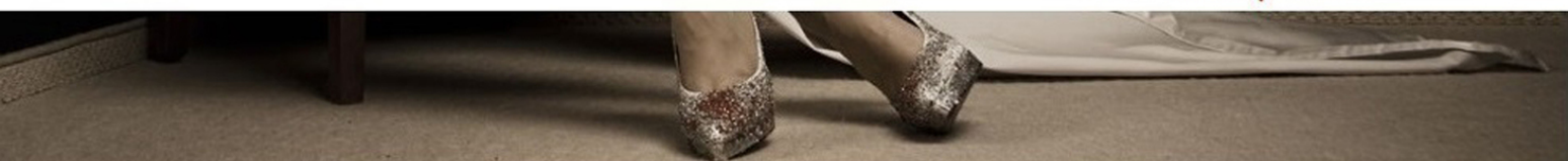

Каменная Мессалина

— А. Мириси —

А. Мириси

Каменная Мессалина

«Летний сад»

2019

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 644

Мириси А.

Каменная Мессалина / А. Мириси — «Летний сад», 2019

ISBN 978-5-00039-271-3

Светская дама, пресыщенная роскошью и чувственными утехами, заключает через интернет шуточную сделку с Дьяволом ради неизведанных удовольствий. Через считанные мгновения после подписания контракта она получает предложение от любовника ограбить мужа и бежать с ним за границу. В ходе трехдневной драмы женщина оказывается в центре клубка интриг, полностью переворачивающих ее представление о собственном окружении. Выполнит ли Дьявол условия договора? Реальна ли сама сделка, или ее породило воспаленное воображение персонажа? В поисках ответа читатель погружается в причудливый детективный сюжет, пульсирующий в унисон тону главной героини, терзаемой запретными желаниями

УДК 821

ББК 84 (2Рос=Рус) 644

ISBN 978-5-00039-271-3

© Мириси А., 2019

© Летний сад, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	40
Глава 13	43
Глава 14	48
Глава 15	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

А. Мириси

Каменная Мессалина

Глава 1

В которой звучит п

Наступали первые сумерки, когда двери “Фатума”, фешенебельного ювелирного магазина, сомкнулись за спиной нашей героини. Вся в каких-то мечтаниях, Моника замешкалась на крыльце, но внезапный порыв весеннего ветра вернул ее в этот мир.

– Ах! – женщина чуть ни споткнулась.

Она вовремя ухватила за перила, перевела дух и, отбивая каблучками нервное стакато, спустилась по ступенькам на тротуар. Раздался звон мелочи, мимо проплыла пара прохожих. Провожая их взглядом, Моника заметила, что на углу дома просит милостыню какая-то карга и решила ее рассмотреть. То была грязная старуха в ватнике и темном головном платке, с испещренным морщинами лицом.

“Интересно, как она такой стала?” – подумала Моника.

Она вздрогнула. С трепетом соединилась негa – наследие недавних мечтаний.

– Когда-то и она была молодой и красивой, – растерянный вздох раздвинул лацканы молочного пиджака.

Несколько секунд женщина простояла, уставившись на нищенку, пока старуха сама не повернулась к ней. Стали видны ядовито-желтые зрачки. В отверстии посредине физиономии показались два гнилых зуба. Моника испуганно заморгала. Ужимки не помогли: глаза чудовища впились в носок ее белой туфли и медленно поползли выше: икра, колено... Когда взгляд коснулся бедер, женщине почудилось, будто у нее по коже ползет скорпион. Насекомое готовилось проникнуть под юбку.

– Господи! – прошептала Моника.

Старуха дошла до талии и начала медленно поднимать голову – теперь она пялилась на ее грудь. Моника напряженно вздохнула, понимая, что еще миг, и нищенка заглянет ей прямо в зрачки.

– Мадам, вам плохо?

Женщина оперлась на руку вовремя подоспевшего прохожего.

– Нет, ничего... – пробормотала она, опуская веки.

– Вы, кажется, что-то уронили, – прохожий нагнулся.

Это был полный мужчина, по одежде, бухгалтер. Провозившись несколько секунд, он выпрямился и протянул Монике какую-то вещицу. Женщина была выше неожиданного спасителя и тот, неловко улыбаясь, смотрел на нее снизу вверх. В руках прохожий держал полураскрытую красную коробочку с золотым перстнем. Моника поняла, что обронила свою покупку.

– Спасибо, – пробормотала она, схватила кольцо и повернулась к белой “Ауди”, припаркованной у крыльца.

Прохожий хотел было что-то сказать, но ему помешал крик старухи.

– Совсем зажрались, шлюхи! Люди с голоду подышают! Да чтоб тебя...

Женщина быстро села в машину, захлопнула дверцу и завела двигатель. Из всех излиний нищенки она запомнила одно – старуха пожелала, чтобы кроме этого кольца у Моника больше ничего не осталось.

Глава 2

В которой раскрывается несколько пикантных секретов

Машина неслась по вечерним улицам, прочь с проклятого места. Преодолевая дрожь, Моника нажала на кнопку радио. Послышался пожилой голос.

– Трагедия человека не только в том, что он не способен определиться со своими желаниями, – вещал неизвестный философ. – Иногда люди страдают, потому что их истинные желания исполняются...

– Этого еще не хватало! – Моника выключила приемник.

Через пять минут ее авто стояло у богато украшенного лепниной здания конца 19-го века. Взлетев на крыльцо, женщина с силой потянула за ручку входной двери, и, вбежав в просторный вестибюль, очутилась у стола консьержки. За ним сидела дама с шиньоном лет сорока пяти в сером костюме. Моника вздрогнула, как ужаленная, и отскочила в сторону, к лестнице. Каблучки нервно застучали по ступенькам. Поправляя очки, консьержка провожала ее недовольным взглядом.

Поднявшись на второй этаж и открыв дверь, женщина поняла, что из-за волнения приехала не туда. Эту квартиру она делила с мужем, вечно находившимся в отъезде. Любовников она принимала в другой. Та двухкомнатная норка, расположенная в сомнительном районе на окраине, досталась ей в наследство от дяди. Моника сразу оценила достоинства новой недвижимости – удаленность от центра и отсутствие проклятой консьержки. Квартирка прошла ремонт, избавилась от старой мебели и от всего, что не соответствовала духу храма Венеры. Там поселилась любовь.

– Коварство и любовь! Измена и любовь! – хихикала кокетка.

Не то чтобы муж ничего не знал о дядиной квартире. Нет, он был четко проинформирован о наследстве. Однако его робкое предложение продать ненужную собственность встретило решительный отпор. Было заявлено, что недвижимость будет сдаваться, что найден съемщик – родственница Анны (об этой Анне мы скоро многое узнаем), и что ремонт проводится в интересах новой обитательницы. Конечно, никакой родственницы стены апартаментов не увидели, но на просьбу рассказать о денежных поступлениях с квартирантки Моника могла дать правдоподобный ответ. Средства, действительно шли. Ежу понятно, что непосредственно от Анны в обмен на право пользоваться помещением в том качестве, в каком его использовала Моника.

Итак, женщина вошла в прихожую. Сменив туфли на плюшевые тапочки с мордочками зайцев, она миновала просторную комнату – почти залу, – спроектированную словно ради снобизма, прошла в убранный со вкусом салон и остановилась у двери кабинета мужа. Дверь была заперта перед отъездом хозяина, не допускавшего в святая святых решительно никого. Супруг объяснял свое поведение боязнью горничной.

Постояв у запертой двери, Моника повернулась к окну. Рядом с ним на тумбочке стояла лакированная шкатулка. Тут же возвышалась главная достопримечательность салона – гранитная колонна, высотой где-то по грудь, увенчанная мраморным бюстом. Хотя бюст напоминал Фрейда, на нем значилось “Платон”. Середину комнаты занимал журнальный столик с двумя креслами. На стене между сервантом и антикварным зеркалом висел большой черный экран.

Помимо таинственного кабинета в салон выходили кухня, спальня и детская. Детская была пуста. Моника родила девочку через год после выхода замуж и страшно ее любила: катала

на деревянной лошадке, покупала конфеты, раз даже пыталась читать книжку... Впрочем, ребенка забрала к себе свекровь, не переносившая Монику на дух.

– Эта шалава наставит тебе рога, – твердила свекровь мужу. – Как выставишь ее вон, ребенка ни за что не отдавай. Сам не захочешь, так я отсужу. Пусть продолжает наш род.

Оглядев салон, женщина вошла в спальню. Да, эта комната знала минуты неги, ее стены видели исступление. Добрую треть помещения съедал гигантский одр любви – двуспальная кровать под старину. Под слоем простыней лежал ортопедический матрас, чуть менее упругий, чем семь лет назад, сразу после покупки, зато многое изведавший. Пластиковые пружины запечатлели все этапы отношений Моники с мужем. В самом начале – обоюдную страсть. Если точнее, неподдельную страсть супруга и более-менее удачные попытки имитации со стороны дамы. Далее – безответные порывы мужчины, бывшие тем неистовей, что несчастному грезились возможность еще чуть-чуть и довести избранницу до прежнего экстаза. Наконец, постельный цинизм – это когда оба делают вид, что им нравится.

Нет, муж почти не заглядывался на других женщин. С ним произошла метаморфоза, обычная для людей его круга: делец постарел (больше, чем на семь лет из-за постоянного напряжения), заметно потолстел. Нервы, измотанные управлением Фирмой и необходимостью поддерживать свое положение в обществе, оставляли с каждым годом все меньше сил для любви. Их ресурс был изношен...

Кроме кровати в спальне имелись старинное трюмо, платяной шкаф и книжный стеллаж. Моника машинально положила на него коробочку с кольцом, подошла к зеркалу и простояла так почти минуту, что-то шепча. История со старухой не давала покоя.

Наконец она нервно улыбнулась и движением, воскрешающим в памяти времена мушкетеров, сняла шляпку. Пальцы сомкнулись на золотистой пуговице пиджака, похожей на старинный дублон.

– Пиастры, пиастры, – пробормотала Моника.

Пуговица вошла в разрез петли. Расстегнув их все, женщина повернулась спиной к постели и раздвинула лацканы жакета. Пиджак съехал с плеч на гладь покрывала.

– Нужно успокоиться, – Моника снова уставилась в зеркало.

На нее смотрело тридцатилетнее лицо с большими голубыми глазами. Изящный нос и линия тонких губ образовывали перевернутую “Т”. Женщина раскрыла рот, превращая букву в замочную скважину.

Ее лицу была чужда плебейская округлость. В слегка вытянутом подбородке поклонники улавливали влияние аристократических генов. Это теорию подкрепляла форма шеи, длинной, как у ренессансной куртизанки. Грудь была огромной. Наполовину ее скрывала бежевая комбинация.

Ухмыльнувшись, Моника расстегнула ремешок – юбка упала к ее ногам лезвием гильотины. Открылись бедра. Жадные щупальца подвязок тянулись к кромкам чулок.

Мысли о собственном теле помогли отвлечься. Сняв комбинацию, Моника медленно развернулась в профиль к трюмо и, обнаружив, что немножечко пополнила, пугливо втянула животик.

– Ладно, все это глупости, – женщина опустила веки. – Скоро свидание! Пора одеваться и ехать на квартиру дяди.

Писк телефона заставил ее потянуться к сумочке, брошенной на постель.

– Да... – Моника взяла трубку. – Анна, ты? С тобой мы встречаемся послезавтра!

– В четыре? Значит, в четыре.

– Нет, нет, сегодня квартирка занята. Ко мне приезжает Кролик. Мы остаемся на ночь.

Собеседница была явно чем-то недовольна. Она повысила голос.

– Мне и самой это не нужно, – перебила ее Моника, – ты же понимаешь, я не знаю, чего хочу.

– Ладно, я тоже тебя целую.

Женщина выключила телефон и осторожно подняла голову. В зеркале отражались две огромные чаши, покрытые бежевым шелком и серебряный кулон между ними. В груди сладко щемило. Она глубоко вздохнула – чаши качнулись. Перед глазами мелькнуло скуластое лицо, обрамленное каштановыми кудрями. Монике померещился тот, кого она так хотела увидеть.

Глава 3

В которой снова рассказывается нечто пикантное

Любая замужняя женщина, не обделенная красотой и богатством, нуждается в любовнике. Моника понимала это, выходя семь лет назад замуж, но ей и в голову не могло прийти, сколь чудовищным станет ее падение. Самое занятное, что первые несколько лет она честно пыталась играть роль порядочной супруги, платя мужу верностью за материальный достаток.

Все изменилось совершенно неожиданно. К концу четвертого года брака, когда муж успел надоесть, а счастье так и не наступило, Моника влюбилась и была отвергнута – подробности этого романа мы со временем узнаем. Она страдала. Именно тогда в круг ее знакомых проник Стриптизер.

Кролик – так она его за глаза называла – работал танцором в самом настоящем стриптиз – клубе.

Это был 190-сантиметровый шатен с роскошной шевелюрой, мускулистым телом и лицом отличника-старшеклассника. Казалось, его глаза светятся умом – разумеется, пока повеса не открывал рта.

Барышни носились за ним стадами. Тем не менее, Кролик пуделем на поводке бегал за Моникой. Женщине это льстило. Он был на пять лет моложе ее – в момент знакомства негоднику было двадцать два. Знакомство произошло так.

Стоял пасмурный день. Моника гуляла по магазинам и, когда пошел дождь, укрылась от ненастья в выставочном павильоне. Стихия загнала туда и нашего проказника. Заметив высокую шатенку в белом пиджаке и короткой юбке, Кролик начал осаду.

– Я не знал, что вам нравится Матисс!

– Простите, при чем здесь Матисс? – неловко улыбнулась Моника.

Стриптизеру было стыдно признаться, что это единственный известный ему художник. Он перешел к приземленным темам. Женщина хотела было сбежать, но, посмотрев на прилипалу внимательней, увидела высокие скулы, дышащую юношеской свежестью кожу и шелковистый локон, ниспадающий на лоб. Она решила остаться: нет, она не слушает рок. И не любит виски. Да, она за мужем и живет совсем близко. Нет, ее не следует провожать.

Впрочем, сказано это было таким тоном, что Кролик пронесся за ней до самого подъезда.

– Завтра буду на выставке в это же время, – заверил он.

– Как пожелаете, не буду мешать любоваться Матиссом.

Разумеется, она ни в коем случае туда не придет.

Разумеется, она явилась в павильон в оговоренный час. После короткого, почти символического, штурма, женщина выкинула белый флаг и села к Стриптизеру в машину. Тот отвез ее к себе домой, в квартиру на окраине. Они вошли в неухоженный подъезд, поднялись по лестнице и остановились у двери с тремя замками. Кролик долго возился с ключами.

“Господи, что я делаю!” – подумала Моника, переступая порог.

Обстановка квартиры пугала. В коробке обшарпанных стен, оклеенных плакатами рок-групп, стоял алтарь – журнальный столик с пивной бутылкой. Из бутылки торчала роза. Кролик разорвал на себе рубашку и схватил цветок зубами за стебель – это была часть его стандартного номера.

Затаив дыхание, женщина смотрела на мускулистый живот, на широкую грудь... Сжимая в зубах розу, Стриптизер нахально улыбался. Несмотря на китч, во внешности ловеласа было что-то от античной статуи.

– Ах! – простонала Моника.

Взяв гостью за плечи, Кролик зажмурился и вставил ей цветок в разрез пиджака. Женщина вскрикнула – шипы царапали кожу. Резко открыв глаза, Стриптизер припал к ее губам. Он умел быть нежным и рвал одежду исключительно на себе.

Их роман был бурным. Забыв о предосторожности, женщина дважды сходила к любовнику в клуб на представление. Каждый раз, спускаясь к публике, он картинно всаживал ей розу в корсаж.

– Это все несерьезно! – уверяла себя Моника.

Дальнейшие события подтвердили это предположение: когда через три месяца повеса испарился, женщина открыла, что не ощущает мук разлуки за вычетом легчайших. Да, она всего лишь помешенная на сексе эгоистка, неспособная полюбить вновь. Прочитав где-то, что мимолетные связи на стороне лишь усиливают крепость брака, Моника выдала себе карт-бланш.

Мужчин было много: случайно встреченный однокурсник, учитель аэробики, продавец косметики, подмигнувший ей в магазине. Затем знакомства через интернет. Словом, кокетка входила во вкус.

Через некоторое время Кролик вернулся. В дальнейшем, динамика их отношений будет напоминать движение кометы вокруг солнца (где солнцем была она): от перигея к апогею. Стриптизер то пропадал, то вновь возвращался.

Между прочим, Моника любила прогуливаться с ним у витрины арт-галереи, выходящей окнами в просторный сквер, обнесенный кованой оградой. В глубине витрины на красном

шелке белела статуя обнаженной куртизанки. Красотка лежала на боку, закинув за голову руку. На губах играла улыбка.

– Это Мессалина, жена Нерона, римского императора, – объясняла Моника своему спутнику.

Конечно, та Мессалина была женой не Нерона, а Клавдия, однако Клавдий не входил в число цезарей, которых она была в состоянии запомнить.

За два с половиной года Кролик повзрослел. Из юноши вырос молодой мужчина. Мышцы стали рельефнее, волосы – чуть длиннее. В голове по-прежнему гулял ветер.

Глава 4

В которой упоминается Дьявол

При всем обилии мужчин, Моника часто ловила себя на мысли, что ей чего-то не хватает. Эти нелепые признания в любви... Вечная робость партнеров или, наоборот, наигранная брутальность. Все было механистичным, неестественным. Лексикон плоти большинства ее любовников был столь ограничен, что после третьего свидания они воспринимались как роботы, обученные паре незамысловатых движений. Лишь Кролик с его животным обаянием умел по-настоящему развеять скуку.

Не прошло и минуты с момента окончания разговора с Анной, как телефон снова записал. Моника поспешила ответить.

– Да, мой проказник!

Это был Кролик.

– Не можешь прийти? – женщина тревожно вздохнула.

– Ладно, я тебя прощаю. Но ты должен меня понять... Мне тоже нравятся парни.

Уязвленный, Стриптизер стушевался и повесил трубку.

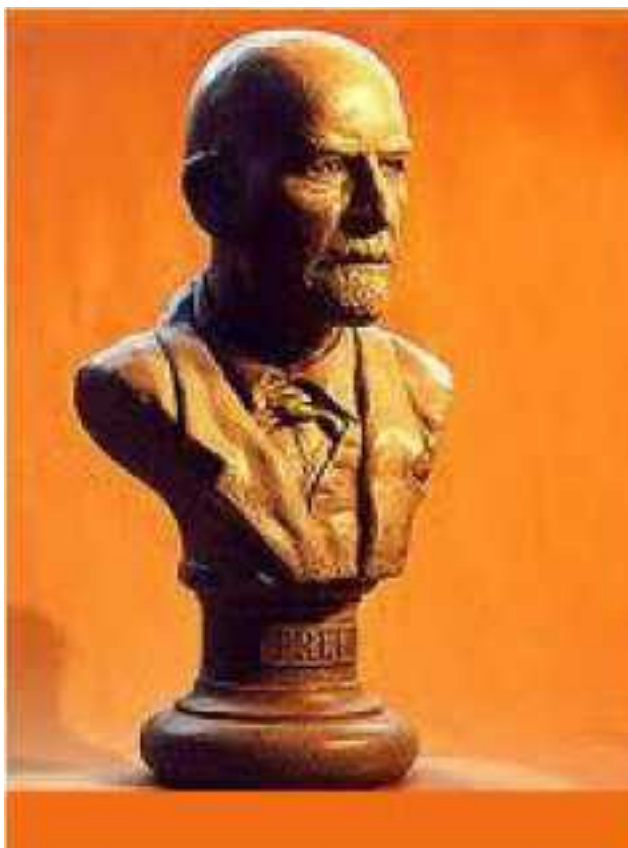
Несколько мгновений Моника растерянно стояла перед трюмо. Чувственную истому сменила меланхолия – словно яд растекся по венам.

Кролик не хочет приехать! Получается, она нежеланна. У нее появилась соперница? Женщина побледнела. Босая, Моника прошагала из спальни в салон и уселась в кресле напротив экрана. Закинув ногу на ногу, она схватила со столика пульт и нажала на “ВКЛ”.

Первый канал показывал спорт – женщина решила переключиться. На следующем вальяжный старикан, очевидно историк, рассказывал что-то про войну. Прозвучало слово “тирания”, пошла кинохроника.

Моника нажала на кнопку, но та заела, и она увидела черно-белые кадры: самолеты сбрасывают бомбы, улицы с горящими зданиями, на фоне пылающего дома бежит толпа. Опять бомбежка. Другая толпа, на сей раз поменьше: мальчуган, интеллигент в шляпе... и женщина. Красавица по меркам конца 30-ых, с темными губами, со светлыми волосами до плеч... Грудь была обнажена. Моника глянула ниже – на даме не было юбки. Только пояс с подвязками и полупрозрачные чулки...

От кого она бежала? Воздушная тревога застала красотку в объятиях любовника? Что станет с загадочной особой, когда она вернется домой и выяснит, что все сгорело? Она сядет на мостовую и зарыдает, закрывая руками лицо? Быть может, в трансе незнакомка перевернется на спину, и ее шелковистые волосы расстелятся по мокрому асфальту? Что чувствовала эта женщина? Каково это – познать смертельный испуг в момент неги и нестись босиком по грязной мостовой под холодным ветром? Скоро она уже достаточно успокоится, чтобы начать думать, но будет еще испытывать половое возбуждение. Тогда она поймет, что пояс с чулками – единственное, что у нее осталось.

Моника просидела в оцепенении несколько минут, не заметив, что передача уже закончилась. Голова кружилась, щеки пылали. Она встала с кресла и выключила телевизор.

Старинное зеркало на стене отражало ее анфас: точеная шея, густые локоны... Под ложечкой засосало, да так, что стало казаться, будто под кожу закатился бильярдный шар. В обморочном жесте левая ладонь коснулась лба, правая – легла на макушку Фрейдо-Платона.

Вздых. Кулон провалился в ложбину между покрытыми шелком холмами. Моника убрала руку со лба и выкинула вперед, словно протягивая поклоннику для поцелуя. Ладонь безжизненно повисла, как кисть Адама перед прикосновением Бога.

Шатаясь, женщина отпрянула от колонны и упала в кресло.

– Нет, нужно отвлечься!

Она потянулась к ноутбуку на журнальном столике. Браузер запомнил последнюю страницу, и Моника попала на сайт знакомств. Перед глазами замелькали названия рубрик. “Мужчина ищет женщину”, “Женщина ищет мужчину”. Далее следовало нечто порочное. Моника покраснела – грех слаще, если его стыдишься.

Внизу были баннеры: гадание по руке, гороскопы, снятие порчи... Вот и последний. Женщина испуганно прочитала надпись золотыми буквами на багровом фоне. Там значилось: **“Контракт с Дьяволом”**.

Зайдя по ссылке, Моника долго смотрела в экран. На фоне адского пламени виднелось несколько кнопок: “подробности”, “совершить сделку”, “отзывы”. Под сердцем кольнуло. Неодолимая сила заставила кликнуть на “подробностях”.

Женщина попала на страницу, заполненную готическими знаками, и машинально прочитала первый абзац.

“Предметом настоящего договора, – гласил текст, – является душа продавца. После его смерти она переходит Дьяволу. В качестве оплаты Дьявол обязуется выполнить указанные

продавцом условия. Изложите их в окошке в конце страницы и нажмите на кнопку “Совершить сделку”. В случае принятия Вашего предложения, Вам будет выслана просьба подтвердить контракт. С момента подтверждения соглашения вступит в силу”.

– Боже мой... – прошептала Моника.

Зачем-то она перешла ко второму пункту.

“В особых случаях для подтверждения контракта Дьявол оставляет за собой право потребовать от продавца дополнительных действий: убийства любимого существа, поджога, предательства и так далее”.

– Что за шутка? Сайт создали ради розыгрыша?

Кому-то хотелось узнать, кто о чем мечтает. Говорят, так развлекаются студенты-психологи. Явилась мысль: подыграть. Спешить некуда. Она сядет и напишет, о самом сокровенном.

В салоне было тихо. Ни шума ветра, ни гула машин на улице. Только тиканье часов и стук сердца. Моника невольно подумала о старухе у магазина и испуганно обернулась, словно опасаясь, что та за ней подглядывает. Никого.

– Ладно – женщина поставила ноутбук себе на колени.

Внизу страницы было текстовое окно.

“Попросить, чтобы он вернулся?”...

Моника представила умное лицо и седеющие кудри.

– Трагедия человека не в том, что он не способен определиться со своими желаниями, – она вспомнила слова неизвестного философа. – Напротив, он страдает, потому что его истинные желания исполняются!

Чего ей хочется на самом деле? Она была влюблена. Или это был сон?

– Нет, к дьяволу все глупости!

Женщина встала и вернулась в спальню. Она ляжет в постель, попытается заснуть или просто почитает книжку.

На одеяле валялся мобильник – он остался на кровати после разговора с Кроликом. Моника собралась положить телефон в сумочку, но случайно нажала на кнопку.

– Але! Ты, дорогая?

Это был голос Анны. Монике захотелось сказать, что вышла ошибка, но какой-то демон надоумил ее пошутить.

– Ты никогда не продавала душу Дьяволу?

Несколько вопросов позволили Анне составить хотя бы смутное представление о проблемах ее подруги.

– Ты хочешь, чтобы мы продали наши души оптом? Боюсь, так мы собьем цену.

– Нет, мне просто нужен совет, – как ни странно, Моника говорила серьезно.

Она сама не понимала, зачем ведет эту беседу. Может, стоило извиниться и повесить трубку?

Поразмыслив, Анна ответила.

– Попроси миллион. И кругосветное путешествие в компании любимого мужчины.

– Мужчины?

– Ладно, – засмеялась подруга, – попроси семерых, а если Дьявол упрется, то откажись от денег. Тебя будут содержать любовники.

Не отрывая телефона от уха, Моника прошла в салон, села в кресло и подняла со столика ноутбук. Пальцы пустились в пьяный танец по кнопкам.

– Семь любовников, – повторила она.

Те же слова возникли на экране.

– Семь сразу, – уточнила Анна, – в течение суток.

Трудно было понять, издевается ли подруга или делится собственными фантазиями, но она попала в цель: Моника ценила плотские утехы не меньше богатства и часто мечтала, чтобы супруг оставил ей деньги, а сам растворился в воздухе.

– А ты не хочешь стать вдовой? – послышалось в трубке.

Моника представила беспечную жизнь в окружении поклонников. В ее грезах они были как Кролик – страстными, настоящими.

– Знаю, – пропела Анна, – я где-то читала, что люди боятся своих желаний. Просто зажмурься и попроси самое заветное, самое сокровенное.

Повисла пауза.

– Дорогая? – забеспокоилась Анна.

В ответ раздались гудки: печатая, Моника прижала телефон подбородком к плечу и нечаянно его отключила. Постепенно текстовое окно в ноутбуке заполнилось знаками.

– Готово... – женщина нажала на кнопку ввода.

Система медленно обрабатывала информацию. Наконец, на экране отобразилось сообщение: **“Вы забыли указать адрес электронной почты”**.

Найдя второе окошко, Моника напечатала свой адрес и нервно кликнула мышью.

“Уверены ли Вы в том, что изложили все желания?”

Женщина опустила веки. Перед взором маячила незнакомка в разорванном белье. Интересно, что станет с ней после того, как она, обнаженная, окажется в толпе солдат?

Моника раскрыла глаза: темная комната, погасший экран на стене, Фрейд-Платон. Кажется, идол смотрит ей в душу.

“Люди боятся своих желаний”, – в голове эхом звенел голос Анны.

– Нет, я не боюсь.

Моника тяжело дышала.

Она опустила пальцы на клавиатуру и напечатала еще несколько строк.

– Будь что будет...

Женщина не сразу услышала звонки. Трезвон раздавался из-под столика – и она поняла, что уронила туда “Айфон”. Захлопнув крышку ноутбука, Моника нагнулась за телефоном.

– Дорогая! – раздался взволнованный голос. – Нам необходимо срочно встретиться.

Глава 5

В которой Моника заглядывает в бездну

Восемь месяцев назад, вернувшись вечером с мужем из театра, наша героиня неожиданно ощутила весь ужас надвигающегося краха. Моника была в багровом платье с разрезом. На выступе полуобнаженной груди лежало алмазное кольцо. Супруг заботливо снял с нее шубу. В этот момент тревожно заиграл телефон.

– Секундочку, дорогая, я должен ответить на звонок.

Муж скрылся в кабинете на два часа. Из-за двери были слышны шаги, тирады на повышенных тонах, нервные удары кулаком по столу. Не снимая платья, Моника опустилась в кресло. Любопытство заставило вслушаться. Прозвучали слова о поставках, предоплате, кредитах. Женщина нервно потянулась за книгой на журнальном столике. “Падения дома Ашеров”. – гласила надпись на темной обложке. Сборник рассказов полетел в угол. Пить успокоительное не соответствовало представлению Моника о том, как должна вести себя роскошная дама. Она перенесла ожидание стойко – любясь собственным отражением в зеркале.

Наконец дверь кабинета отворилась.

– Моника! – начал муж, подойдя почти в упор; его пухлые руки коснулись ее обнаженных плеч. – Нам нужно серьезно поговорить.

Моника подалась назад.

– Наше положение (я хочу сказать, положение Фирмы) крайне серьезно.

– Ах, милый! Я не желаю знать о делах.

– Тебе придется. Предприятие обязано немедленно выплатить долг. Наши активы его покрывают, но встает вопрос о наличности. Живых денег нет. В случае задержки кредиторы грозят запустить процедуру банкротства.

– Причем здесь я? – Моника повела плечами.

Супруг продолжил. Да, по закону, банкротство фирмы не несет угрозы личной собственности владельцев. Однако, учитывая могущество держателя долга, о невыплате не могло быть речи.

– То есть... – пролепетала женщина.

– Придется продать дом или квартиру. Отказаться от некоторых вещей.

Это было слишком. Моника была готова отказаться от многого, но только не от вещей. Она обреченно опустилась на диван – ее локоны раскинулись веером по багровой обивке.

– Дорогая! Я все понимаю. Это я...

Женщина не отвечала, лишь участилось дыхание. Алмазное кольцо то поднималось, то опускалось.

– Моника!

– Обними меня, мне страшно!

Муж склонился над ней и с неистовством сорвал с груди платье, словно желал напоследок насладиться тем, чем не насытился за годы брака. В нос ударил запах табака и вина. Хотелось убежать, ведь прежде супруг не позволял себе подобного скотства.

– Что с тобой? Перестань! – запищала женщина.

Неожиданно испуг уступил место похоти. Переход был внезапным и казался чем-то новым, неизведанным.

Слухи о смерти Фирмы оказались преждевременными. Контора выстояла. Тем не менее, случившееся привело к важным переменам. Первым делом, муж переписал на Монику всю находившуюся в личном пользовании недвижимость.

– Если имущество не принадлежит Фирме, то это все равно не поможет. Ты так, кажется, сказал? – удивилась женщина.

– Это слишком сложно, дорогая.

Моника запомнила вечер в офисе нотариуса. На ней был красный пиджак и короткая черная юбка. Голову увенчивала широкополая шляпа. Она стояла у окна и растерянно шевелила губами, словно посылая вечернему городу воздушный поцелуй.

– Итак, пятикомнатная квартира и загородный дом, – звук исходил из полного усатого тела человека лет пятидесяти, почти не открывавшего рта.

Казалось, нотариус чрево вещает.

– Извините, мадам, нужна Ваша подпись.

Моника развернулась и подошла к столу. Подписав документ, она ощутила рост своей сексуальной привлекательности – в ее представлении светской львице полагалось владеть дорогой недвижимостью. Позже в машине она игриво поцеловала супруга.

Вторым следствием несостоявшегося краха стало желание Моника защитить себя в будущем от подобных сюрпризов. Было ясно: пик работоспособности мужа в уже прошлом. Издерганный контрагентами и затравленный налоговиками, зубр бизнеса грозил свалиться с ног при первом ухудшении конъюнктуры.

“Ладно, – решила Моника. – Пока этот в состоянии меня содержать, пускай будет он. Но нужен и резервный вариант”.

В качестве резерва она приглядела Ботаника. Ботаник, восходящая звезда конторы, был на пару лет ее моложе. За четыре года верной работы на Фирму он поднялся с должности простого счетовода до начальника финансового отдела. То был типичный яппи: серые брюки, рубашка в полоску, галстук. Голову украшали очки, в металлической оправе – благодаря им волосы не падали на лоб. Ростом он был, правда, чуть ниже Моника, но это компенсировалось рядом достоинств. Во-первых, он бегал по утрам, в силу чего не полнел. Во-вторых, это был настоящий блондин.

Моника натыкалась на него всякий раз, когда заглядывала к мужу в офис и однажды заметила, что парень в ее присутствии краснеет. Быстро сориентировавшись в ситуации, женщина принялась строить ему глазки. Бумажный червь попался на крючок.

Как-то вечером, муж доверительно попросил Ботаника проводить Монику домой с затянувшегося раута, постепенно переросшего в ночные переговоры. Тот привез ее к дому с лепниной. Время близилось к полуночи.

– Вы не могли бы помочь мне подняться, у меня кружится голова? – простонала женщина.

Блондин подчинился просьбе и проводил Монику до дверей квартиры. Когда они очутились в прихожей, – Ботаник сам не понял, как это произошло – он галантно снял с дамы шубу. На Монике было вечернее платье с декольте.

– Спасибо, кажется, мне лучше, – разрез декольте сделался чуточку шире.

Блондин оторопел, не зная, что делать со снятой одеждой.

– Прошу вас, – Моника коснулась ладонью лба, – не уходите.

Просеменив в салон, она опустила на диван. Разумеется, там оставалось еще достаточно места, чтобы к ней можно было подсесть.

– Вы не могли бы принести мне воды?

Продолжая держать в руках шубу, Блондин снял башмаки и проследовал за ней.

– Положите же ее куда-нибудь, – прошептала Моника, заметив, как он растерянно смотрит по сторонам, силясь понять, какая из четырех дверей, выходящих в салон, ведет на кухню. – Кухня позади вас.

Блондин бросил шубу на журнальный столик, пулей кинулся за водой и вернулся с наполненным фужером. Присев на колени, он поднес бокал к губам Моника.

Женщина рассеянно вздохнула – питье пролилось на грудь, в разрез декольте. Ботаник потянулся за салфеткой, но вместо того, чтобы вручить ее даме, принялся сам устранять неисправность. Искусительница позволила ему продолжить.

Пытка длилась около получаса. Имея бесконечно малый опыт общения с прекрасным полом, Блондин так и не выдал из себя любовного излияния. Впрочем, Моника была слишком хорошим тактиком, чтобы сдаться после первого штурма.

Второй приступ Ботаник провел – с искусством матерого стратега. Женщину поразило все: блестящий замысел, реализация, натиск. Было видно – здесь действует организаторский гений.

Итак, по порядку. Сначала в офисе мужа неизвестно откуда появились рекламные листовки ювелирной сети “Ромео”. Моника небрежно подобрала одну, зайдя как-то к супругу на работу. Оглядев флайер, она не нашла ничего, достойного внимания, за вычетом усыпанного бриллиантами кулона в форме разбитого сердца. Невзрачность других изделий подчеркивала изысканность этого украшения. Моника купилась.

На листке был электронный адрес.

Зайдя по нему, женщина обнаружила недоделанный сайт. Авторы проекта извинялись за незавершенность работ, передавали привет всем влюбленным и предлагали все тот же ассортимент безделушек. Речь шла о торговой сети, распространяющей продукцию через агентов.

Моника выбрала сердце и, оставив свои координаты, получила сообщение, что агент вступит с ней в контакт. Незвестный, действительно, прислал письмо с адресом и временем визита. Предполагалось, что клиент явится к нему на квартиру.

В назначенный час женщина подъехала к указанному месту. Дом располагался почти в центре – поблизости находились апартаменты нескольких ведущих сотрудников Фирмы. Оглядываясь по сторонам, Моника вошла в подъезд и поднялась на третий этаж.

Она позвонила. Послышались шаги, затем раздался щелчок замка. Хозяин квартиры молчал. Женщине стало не по себе. Хотелось развернуться и уйти, но что-то неведомое приказывало остаться. Предвкушая недоброе, она потянула за ручку. Дверь распахнулась.

– К вам можно? Я по поводу кулона!

Не дожидаясь ответа, Моника шагнула в прихожую.

– Я ждал вас... – произнес дрожащий голос.

Пред ней, опустившись на колено, стоял Ботаник. В руке он держал раскрытую коробочку, напоминавшую ракушку. В ней на красной подушечке лежал кулон.

...Да, это штучная работа. Да, история с торговой сетью – выдумка... Нет, он не может без нее жить.

Его губы горели, вкрадчивый шепот завораживал.

Нужно было сдаваться. Моника опустила на колени и одарила поклонника сестриным поцелуем. Их лица застыли – ошеломленные отражения друг друга. Так прошло несколько секунд.

Наконец Блондин глубоко вздохнул и схватил ее за плечи – последовало лобзание вампира. Женщина опустила веки. Дав первому натиску захлебнуться, она оторвала уста от губ Ботаника и погладила ему ладошкой подбородок.

...Ах, это так неожиданно... Ей требуется время, чтобы разобраться в своих чувствах... Ой! Ведь у нее есть муж!

Пересев на диван и, нежно обнявшись, они повели томный любовный торг. Да, Моника готова встречаться с ним тайно, но Блондину следует понять: она не может бросить супруга. Мужу очень трудно – измена станет тяжелым ударом. Конечно, даже в его объятиях она будет мысленно хранить Ботанику верность. Впрочем, хотя сердце ее тронуту, она еще не уверена, что влюблена.

Моника понимала, что существует определенная черта, которую не следует переступать даже при капитуляции и, сославшись на женские слабости, ограничила притязания ухажера.

Глава 6

В которой упоминается таинственный Цербер, а Моника и ее любовник лелеют коварные планы

Голос в телефоне был голосом Ботаника. Он назвал адрес ресторана и точное время встречи. В распоряжении Моника имелся час.

– Да, любимый, я буду.

Полуобнаженная, она сидела в кресле посреди салона. Не выпуская из рук “Айфон”, женщина повернула голову и увидела свое отражение в зеркале на стене: лицо было бледным, губы еле двигались.

– Да, я все поняла, – она повесила трубку.

Лелеемый семь месяцев план обещал принести долгожданный плод.

Веки обморочно опустились. В тумане плыли образы из недавнего прошлого. Купель джакузи в номере класса люкс. Моника стояла посреди ванны – Венера с полотна Боттичелли. Струи шампанского разбивались о ее обнаженную плоть – Ботаник откупоривал бутылку за бутылкой. На его мальчишеском лице вели спор нежность и исступление. Женщина игриво вскрикивала всякий раз, когда пенный поток касался ее кожи.

Наконец, ванна наполнилась наполовину, и Моника осторожно опустилась на дно. Пена скрыла бедра, живот, омочила кончики волос.

– Я жду, тебя, милый!

Блондин прыгнул в джакузи. Почувствовав страсть молодого мужчины, Моника поняла, что для Ботаника речь шла о первой удачной любви. Надолго он останется застенчивым ребенком?

Блондин поглощал в объятьях вожаделенную плоть. Женщина тихо стонала, перебирая в уме список опасностей.

... Визиты к нему на квартиру. Недалеко от жилища Ботаника располагались апартаменты ведущих сотрудников, например, Цербера. Их могут заметить.

... Обмен взглядами в конторе мужа. Годы измены научили Монику быть актрисой – она умела скрывать эмоции. Но сможет ли Блондин, переживший первую в жизни небезответную страсть, овладеть искусством притворства?

... Наконец, юноша верит в романтику. Следовательно, он не должен видеть ее ни с Кроликом, ни с кем-либо еще. Если Ботаник что-то заподозрит – всему конец.

Ради купания в шампанском они выбрали в другой город. Дальнейшие встречи не требовали номеров люкс, серьезно повышавших риск разоблачения, и сопровождалась гораздо меньшими хлопотами. Местом их свиданий стала небольшая квартирка, снятая Блондином неподалеку от центра.

В один из дождливых вечеров, когда они были вместе, молодой человек пошел во-банк.
– Итак, ты разобралась в своих чувствах, ты любишь меня?

Он лежал в постели, подсунув под затылок ладонь. Вздутый бицепс символизировал торжество мужского начала над детским. Свободная рука ласкала спину подруги. Моника играла кудрями любовника, поглаживала его выбритые щеки. На ней был белый облегающий корсет. Полуобнаженный бюст с “Разбитым сердцем” растекался по груди почти любимого мужчины.

– Да! – ответила женщина.

К ее удивлению, Ботаник даже не повел бровью. Хладнокровие, по крайней мере, внешнее – главный атрибут биржевого волка.

– Тогда, почему ты не бросишь мужа? Мы можем уехать. У меня хорошая репутация, я найду другую работу.

Моника намотала на палец его локон.

– Потому что я люблю роскошь, – ее глаза сверкнули. – Я привыкла к мехам, к бриллиантам...

Блондин разинул рот.

– К дорогим ресторанам, к роскошной квартире... Я боюсь остаться нищей.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего, – женщина убрала любовнику волосы со лба, оставив в порядке возмещения поцелуй, – я знаю, ты умный. Ты что-нибудь придумаешь...

От неожиданности Ботаник перевернулся на бок. Моника ойкнула, скатившись с его груди на простыню. Молодой человек сделался смертельно серьезным.

– Ты хочешь сказать...

– Да! – выпалила женщина, – Я толкаю тебя на преступление, на обман, на подлог! Мы оба преступники, наша любовь уже преступна!

Моника оборвала себя на полуслове, поняв, что зависила градус пафоса. Она ощутила странное возбуждение, которого никогда не испытывала от любви. По спине пробежал холодок.

В очах Блондина сверкнула искра – жилка стратега давала о себе знать. Он опустил ноги с кровати. Позвоночник вытянулся, как поднятый шлагбаум, мозг трансформировался в боевой компьютер.

– Итак, какова стартовая позиция? На тебя переписана недвижимость, верно?

– Верно, – ответила Моника.

– Теоретически, ты можешь ее продать. Дом и квартира стоят миллиона три. Это в долларах.

Ботаник продолжил. Женщина узнала, что продажа недвижимости – длительный процесс. Публикация объявлений будет замечена Цербером. Визиты потенциальных покупателей

невозможны. Любой клиент – а такую собственность приобретают очень серьезные люди – непременно наведет справки о продавце. В общем, налицо тупик.

– И как же нам быть? – недоумевала Моника.

Встав с постели, Блондин перешел ко второй стратагеме. Она предполагала взятие банковской ссуды под залог недвижимости и бегство с деньгами. Это решение выглядело менее хлопотным, но, требовало много времени и поэтому так же представлялось сомнительным. Что еще хуже, таким образом можно было выручить гораздо меньшую сумму, чем при продаже. Максимум два миллиона.

Моника побледнела: ее богатство таяло на глазах.

– Это не все, – продолжил Ботаник. – Привлечение к делу банков опаснее, чем работа с частниками. Твой муж известен в деловой среде и его квартира тоже, пойдут вопросы. Значит, и этот вариант отпадает.

Женщина растерянно заморгала. Повисла пауза. Нервно тикали настенные часы. Наконец, Блондин поднял взгляд к потолку и отчаянно схватился за лоб.

– Идиот! Какой же я идиот! Если твой муж переписал на тебя имущество, это значит...

– Что он меня любит?

– Что он чего-то боится! Теперь мне ясно, чего.

Далее Ботаник затараторил. Он объяснил, что муж Моника – не чиновник: ему не нужно прятать деньги, заработанные на взятках. Он не опасается кредиторов, ведь в случае банкротства собственность, не имеющая отношения к Фирме, все равно остается за ним.

– Значит... – любовник повысил голос.

– Значит... – повторила Моника.

– Значит, он боится статьи с конфискацией!

Давясь словами, Блондин поведал, что имущество любого лица, замешанного в определенном виде преступлений, находится под угрозой. И хотя конфисковать должны лишь то, что приобретено незаконно, на практике законное от незаконного отделять не станут, и конфискуют все. Однако если собственность записана на другого человека, разговор будет иным.

– Ты хочешь сказать... – Моника оборвала его на полуслове.

– Я хочу сказать, что Фирма занимается криминалом. Я предполагаю контрабанду.

Женщина ошалело глядела на любовника. Мозаика начала складываться. И таинственное спасение от банкротства, и нервозность мужа в последние месяцы, и нежелание толком объяснить, для чего квартира и дом были переписаны на нее – практически все получило логичное объяснение.

– Итак, нужно выяснить суть преступления, и у нас на руках окажется компромат! – Ботаник был на коне.

Он изложил новую схему, проникнутую духом Макиавелли. Эта стратегия предполагала шантаж: либо муж Моника позволяет супруге продать записанное на нее имущество (что вполне законно), либо материал попадет в прокуратуру.

– И мы будем богаты? – испуганно спросила женщина.

Гипотеза Блондина потрясла ее до глубины души. Одно дело давать взятки, другое – положить нарушение закона в основу бизнеса. Моника пожалела, что так мало интересовалась делами мужа. Интересно, что еще она про него не знает?

– Нет, – передумал Ботаник, – так не пойдет. Ждать, пока продается квартира – очень опасно. Действовать нужно иначе: противника следует ставить перед фактом.

– И как ты собираешься получить деньги?

– Это нетрудно. Как глава финансового отдела, я могу совершить кражу. Конечно, при определенной помощи с твоей стороны. Рано или поздно на расчетном счету Фирмы окажется крупная сумма. Я переведу ее на свой заграничный счет, и мы уедем. А чтобы твой муж не пошел в полицию или сыскное агентство, пригрозим ему компроматом.

Женщина долго не отвечала – она находилась под впечатлением и от внезапного открытия, и от дерзкого плана. Неужели все это правда? Вот они, свобода и богатство, на расстоянии вытянутой руки. Осталось совершить предательство.

– Моника, ты меня слышишь? – Блондин тревожно посмотрел на возлюбленную.

– Прости, болит голова, – она неуклюже встала с постели.

Любовник помог ей подняться.

– Итак, собираем улики и ждем, когда на счету Фирмы окажется крупная сумма? – робко спросил Ботаник.

– Прошу, обними меня!

– Моника, ты согласна?

Ответом стал поцелуй.

Глава 7

В которой нашу героиню одолевают сомнения

Пора собираться! Моника открыла глаза и посмотрела на часы. Выяснилось, что до встречи осталось сорок минут: треть часа съели воспоминания. Женщина устремилась в спальню на штурм платяного шкафа. Пальцы забегали по полкам. То и дело ее пятерня смыкалась на ручке вешалки, чтобы выхватить очередной наряд. Моника поджаривала его взглядом, после чего (как безнадежного) бросала на кровать. Так продолжалось несколько минут. Наконец, она нашла подходящий костюм – черное обтягивающее платье с красным жакетом.

Натянув платье, женщина прошла в прихожую за туфлями. Голову украсила темная шляпа с широкими полями. Моника переложила содержимое своего белого ридикюля в черную сумочку. Ничего не забыто?

– Да! – она схватилась пальчиками за лоб. – “Разбитое сердце!”

Женщина юркнула в комнату и достала из шкатулки подарок Блондина. Новое украшение сменило серебряный кулон – тот был на Монике, когда она увидела нищенку у дверей ювелирного магазина. Все, она готова!

Заперев квартиру, она торопливо спустилась в подъезд и боязливо посмотрела на зализанную консержку. Чучело не отреагировало.

– Не знаю, есть ли у Цербера сестра, и как она выглядит, – подумала Моника, – но не удивлюсь, если именно так.

Распахнув парадную дверь, она нащупала в сумочке черный электронный брелок. Авто приветственно запищало. Женщина села за руль и завела мотор.

В сумерках “Ауди” выехала на широкий проспект. Моника вдруг почувствовала, что мчится туда, откуда не будет возврата.

– Неужели все готово?

Хотелось закрыть глаза, но она вспомнила, что находится за рулем. После того постельного разговора Ботаник переутюжил всю доступную документацию. Он обнаружил несколько сомнительных поставщиков и решил тщательно их изучить. Пошли недели канцелярских раскопок. Финансист собирал официальные данные и выуживал из знакомых неофициальные. Там, где и этого было недостаточно, рассылались анкеты под видом запросов из частного статистического агентства. За пару месяцев круг подозреваемых сузился. Осталась лишь одна мутная контора, но Ботаник не мог понять, какой незаконной деятельностью она занимается.

Не называя имен, он делился подробностями поисков со своей пассией. Требовалось узнать больше о работе таинственной фирмы. К сожалению, над ней повис непроницаемый занавес молчания. Блондин был уверен, что помимо доступного ему существует и другой документооборот. Игла со смертью Кошея могла находиться в сейфе в домашнем кабинете мужа Моники.

Женщина повернула баранку, избегая столкновения с несшимся навстречу лихачом.

– Что за кретин!

Сердце бешено застучало. Неожиданно вспомнилась дрожь при виде той дамы из кинохроники в разорванном белье. Моника полюбила бояться? Любопытный вопрос.

Похожую дрожь она ощутила пять месяцев назад, когда ночью – по наущению Блондина – похитила из портфеля мужа ключ от домашнего кабинета. Утром муж сразу укатил по делам. Скопировав ключ в мастерской подальше от дома, женщина вернулась в квартиру и принялась

ждать его возвращения, чтобы подбросить оригинал. Прodelка чуть не увенчалась скандалом: приехав с работы, супруг первым делом попытался отворить святая святых и, не найдя чем, принялся метать громы. С большим трудом Моника сумела положить ему украденное в карман пиджака.

Было ли это ее единственным преступлением?

“Нет! Все это игра. Глупая взрослая игра. Я никогда не смогу предать по-настоящему!”

Она невольно вспомнила другой эпизод. Раскрытая шкатулка в салоне.

Ее обнаженная рука тянется к бумажке с какими-то цифрами. Записку оставил супруг. Что это, код от сейфа? Пальцы с листком дернулись к разрезу пеньюара. Еще один шаг к свободе и богатству... Скопировав код, женщина вернула памятку на прежнее место.

Понаблюдав за мужем, Моника заметила, что, входя в кабинет, он непременно берет бумажку с собой. Потом записка исчезла. Он вызубрил шифр?

Через месяц женщина нашла в шкатулке другую записку. На ней был новый набор цифр. Значит, пароль поменялся, и муж разучивает новый? Она держала Ботаника в курсе своих маленьких открытий.

Белая “Ауди” стругом персидской княжны причалила к тротуару у ресторана. Из-за раздумий Моника чуть не проехала место свидания. Дверца авто неторопливо открылась – наружу высунулась обутая в красную туфлю ножка и принялась ощупывать мостовую. На помощь немедленно явился портье. Он подал даме руку и услужливо распахнул двери. Одарив прислужника ассигнацией, Моника проследовала вовнутрь.

Вдоль стен зала, погруженного в полумрак, стояли столики. За некоторыми были различимы фигуры людей. Один из них помахал Монике рукой. Ботаник? Женщина точно знала, что он скажет. Сейчас будет изложен план, который у нее нет ни сил, ни желания исполнять.

“Нет, это только игра! Нелепая шутка!”

Моника замерла – щеки горели. Ком в горле, слезы в глазах. Сквозь мутную влагу она увидела, как Ботаник опустил руку.

– Мадам, вам нужна помощь? – засуетился метрдотель.

Жар сменился холодом, задрожали колени.

– Мадам, позвольте сделать вам комплимент!

Это приободрило женщину. Усилием воли она сжала губы и послала нежданному уха-жеру дежурную улыбку. Дрожь сделалась интенсивней, но внезапно стала приятной. Это была дрожь скупого рыцаря перед сундуком, маньяка перед убийством.

Чтобы успокоиться, Моника глубоко вздохнула. Перед глазами проплыли брильянты, как зримые образы находившегося на расстоянии вытянутой руки богатства. Снова устремив взгляд на Блондина, женщина решительно прошагала к его столику.

Глава 8

В которой детально излагается план ограбления

Моника села за стол, скупо освещенный тусклым светом бронзовой лампы, и тут же приступила к обольщению: спина прогнулась дугой лениво натянутого лука, а грудь почти легла на скатерть. Верхнюю пуговицу пиджака женщина немедленно расстегнула под предлогом жары, и волнующаяся плоть, украшенная “Разбитым сердцем”, растеклась по пустой тарелке.

– Да, любимый!

– Моника, ты голодна? – прошептал Ботаник.

Женщина не позволила ему опомниться. Она откинулась на спинку стула и, положив ногу на ногу, подхватила со стола бокал, наполненный красным вином. Затем – не дав груди в разрезе декольте успокоиться – повернулась в профиль и сделала глоток.

– Моника, я люблю тебя!

– Милый! – женщина опустила фужер на скатерть. – Давай поедим к тебе домой!

– Нет, – ответил Ботаник, – нам нужно поговорить о деле.

Несмотря на всю решимость, овладевшую ею несколько минут назад, Моника чуть не лишилась дара речи. Вздох застрял в горле – она еле успела взять себя в руки и придать ему томность.

– Ах! – протянула женщина.

Блондин нежно погладил ей руку. Затем, сделавшись вдруг смертельно серьезным, повел речь о делах.

– В данный момент на расчетном счету предприятия скопилось четыре миллиона долларов. Речь о валюте – деньги не нужно обменивать. Согласно моему опыту, такое положение складывается редко, не чаще раза в квартал. Благоприятная ситуация продлится до начала следующей недели. В понедельник, максимум во вторник, большая часть средств уйдет на счет иностранного поставщика. Сейчас твой муж находится за границей. Он возвращается в воскресенье.

Женщина испуганно внимала словам Ботаника.

– Сегодня вторник, – пояснил Блондин. – В нашем распоряжении три дня: среда, четверг, пятница. Нужно решаться. Моника, ты готова?

Моника робко моргнула любовнику. Уловив в ее взгляде согласие, Ботаник продолжил.

– Только два человека могут перевести деньги с расчетного счета фирмы: твой муж и я. По договору с банком все крупные транзакции совершаются по письменному распоряжению названных персон, – Блондин нервно улыбнулся – он говорил о себе в третьем лице.

– Для перевода крупной суммы необходимо явиться в отделение банка и подписать платежное распоряжение. Поскольку у патрона есть дела поважней, туда хожу я. При этом, помимо паспорта, требуется предъявить доверенность на мое имя. Босс хранит ее в сейфе у вас дома. Когда нужно, привозит в офис и выдает мне. После завершения операции забирает обратно. В данный момент бумага находится в его кабинете.

Моника устало закрыла глаза: сейчас от нее потребуют действий – и не ошиблась.

– Теперь о твоей роли, – не меняя тона, продолжил Ботаник. – Во-первых, ты должна достать из сейфа доверенность. Далее: в тайнике будут и другие бумаги. Нам понадобится только то, что пойдет в компромат.

Моника подняла ресницы – лицо любовника словно плыло в тумане.

– Ясно, – вещал Блондин, – что отличить нужное ты не сможешь. Поэтому привозишь мне все.

Женщина глуповато кивнула.

– Это – лишь первая часть. Но есть и вторая: ты должна собрать вещи быть готова к вылету в течение суток. Ты все поняла?

Несколько секунд Моника не знала, что и ответить. Чтобы не портить отношений с Ботаником, следовало соглашаться. Любовник не должен усомниться, что ради него она готова на все. Увы, из-за волнения сил на игру не осталось.

– Угу, – процедила она.

Женщина понимала, что Блондин ждет не такой реакции. Чтобы не говорить “да”, она уцепилась за спасительную соломинку: к сейфу была подключена сигнализация, соединенная с офисом Цербера.

Попытка открыть сейф приведет к подаче сигнала тревоги – ведь они с Ботаником уже это неоднократно обсуждали.

– Но... сигнализация...

– Всему свое время, дорогая, я все объясню. Итак, у тебя есть ключ от комнаты, правильно?

– Да... – подтвердила Моника.

– Ты знаешь код?

Женщина растерянно согласилась.

– Чтобы отключить сигнализацию, – сказал Блондин, – нужен другой пароль.

Моника лелеяла надежду, что Ботаник не подумал обо всех деталях, и операцию удастся отменить.

Убедившись, что необходимый эффект достигнут, Ботаник порылся в кармане и достал записку.

– Код здесь!

Глава 9

В которой озвучиваются новые подробности коварного плана

– Как ты сумел его узнать? – глаза Моники напоминали раскрытые бутоны плотоядного цветка.

– Интернету известно многое... – загадочно ответил Блондин, сдвигая очки к кончику носа, – у каждого свои маленькие секреты.

Женщина понимающе качнула головой.

Ботаник вернулся к плану операции. Итак, придя домой, Моника откроет кабинет мужа, наберет на пульте сигнализации переданный любовником код, и при помощи шифра из таинственной шкапулки одолеет замок сейфа. На вскрытие сейфа у нее будет ночь. На следующий день (в среду) в обеденный перерыв Ботаник встретит ее в сквере (они оба знали, в каком) и заберет добычу.

Блондин отвезет документы в офис, отсортирует наиболее важные, найдет доверенность, снимет копии, изымет оригиналы в тех случаях, где будут действительны только они, и позвонит Монике, дабы сообщить, что все идет по плану.

В конце рабочего дня он явится в банк. В особом отделении, отгороженном от взора простых посетителей, Ботаник предъявит доверенность специальному клерку и оформит денежный перевод. Два миллиона долларов перейдут на счет Моники. Такая же сумма составит премию Блондина.

Запустив шестеренки финансового механизма, он встретится с возлюбленной в сквере и вручит ей два очень важных пакета. В первом будут ненужные документы – их следует вернуть в сейф. Вторую пачку (с сокровенным компроматом) Моника запакует в багаж. Проведя ночь у себя дома, женщина дождется в полдень в четверг нового звонка. К этому моменту станет ясно, удался ли перевод. В случае успеха Моника отправится в аэропорт и сядет на пражский рейс. Ботаник полетит отдельно. Местом их вечернего randevу станет отель в Градчанах...

Блондин назвал гостиницу. От возбуждения его голос звучал неестественно бодро.

– Вот билет, – щелкнув замком кейса, он протянул конверт со сложенным листом.

Моника хотела было что-то сказать, но передумала. Ее любовник продолжил:

– План предусматривает три возможности отступления, – жилка стратега подталкивала Ботаника к рассмотрению всех вариантов. – Во-первых, – его большой палец согнулся и погрузился в чашу ладони, – если тебе не удастся открыть сейф – операция останавливается. Ты все равно приходишь в сквер, но без документов, и подробно рассказываешь о причинах неудачи.

– Надеюсь, у нас все получится, – нервно вздохнула Моника.

Собеседник проигнорировал замечание.

– Вторая возможность (и самое обидное, что может быть), это если я просмотрю все бумаги и не обнаружу нужных. Тогда, перевод отменяется. Вечером я передаю тебе только одну папку, и ты возвращаешь ее обратно в тайник.

– Наконец, в-третьих. Вполне возможно, что транзакции не пройдут. В таком случае, я улетаю один и подаюсь в бега. Что касается тебя... – Ботаник запнулся, – я не могу требовать, чтобы ты связала жизнь с неудачником.

Во взгляде Блондина читалась жертвенность Данко, готового разорвать себе грудь. Он ждал реакции. Будучи хорошим психологом, женщина раскусила трюк.

– Милый! – волнуемая плоть снова накрыла скатерть. – Я поеду с тобой хоть на край света! Наши судьбы связаны! Нас теперь ничто не разлучит!

Молодой человек размяк, как лазанья на тарелке, к которой он не прикасался уже добрых полчаса. Преодолев умиление, он положил руки Монике на плечи и нежно поцеловал её. Не размыкая губ, любовники встали из-за стола.

– Не желаете сделать новый заказ? – вмешался метрдотель.

Его недоуменный взгляд давал понять, что ласки на публике не к месту.

– Чуть позже, – ответил Ботаник, усаживаясь на стул.

Моника тоже села.

– Да, чуть не забыл, – Блондин извлек из кармана какой-то гаджет. – Это прибор для короткого замыкания. Если включится сирена, вставляешь в розетку и нажимаешь на кнопку. В таком случае, когда придет охрана, у тебя будет логичное объяснение.

Моника внимала наставлениям любовника со скрежетом зубовным. Одно дело лелеять коварные планы, другое – их исполнять. Женщина на собственной шкуре постигала глубину этой максимы.

Ботаник говорил еще долго и, наконец, изрек нечто страшное.

– При коротком замыкании может возникнуть пожар...

Моника вздрогнула.

– То есть, ты просишь меня устроить пожар? – ее лицо сделалось еще бледнее – само естество бежало в сектор световой гаммы, максимально удаленный от цвета пламени.

– Что, ты! – Блондин ухмыльнулся и взял руки женщины в ладоши. – Я просто хочу сказать, что приборчик – это на крайний случай.

– Милый, мы сейчас поедem к тебе? – Моника посмотрела ему в глаза.

– Нет, дорогая, ты поедешь домой. Тебе предстоит трудный вечер.

– Я... Я не знаю, я боюсь, что не я смогу.

– Но ты ведь сама этого хотела, правда?

– Правда! – Моника испуганно роняла слова. – Я и сейчас этого хочу, но не уверена, что мне хватит сил.

– Ладно, представляй, что я рядом, и сможешь.

Женщина подавила волнение и обещала исполнить все так, как сказал любовник.

– Помни, что бы ни случилось, мы завтра встречаемcя в сквере, – напомнил Блондин.

– Да, любимый! – она нагнулась к нему и оставила у него на лбу багровый отпечаток. – Я буду ждать тебя.

Ботаник подозвал официанта и потребовал счет. Только сейчас он понял, что так ничего и не заказал своей даме. Из-за волнения та не заметила его оплошности.

Расплатившись, Блондин проводил Моника до машины.

Глава 10

В которой наша героиня пытается понять, чего ей хочется

По пути домой Монику мучили кошмары. Их порождало раздумье о сложившемся положении. Впрочем, любая не в меру избалованная дама, оставшись ночью одна, должна испытывать страх – таковы законы жанра.

– Ах! – руки сжимали баранку; сердце металось выскочившей на дорогу кошкой.

Перед глазами возникло ребяческое лицо Ботаника. Его сменила физиономия мужа. Собравшись с силами, женщина попыталась рассуждать.

Итак, супруг богат, уважаем в обществе и – главное – не обращает внимания на ее разнужданную половую жизнь. Моника была уверена, что он простит ей даже единичную измену. В общем, нынешний вариант был почти идеальным...

Увы, над Фирмой сгустились тучи. Благодаря Блондину женщина оказалась в курсе незаконной стороны бизнеса, служившего материальной основой ее семейного счастья. На горизонте замаячил призрак краха.

Альтернативой было предательство. В случае успеха оно могло принести богатство и свободу. Конечно, Ботаник горячо влюблен и станет ревновать, однако они не обязаны жить вместе. У Моники будут свои деньги...

Осталось лишь совершить кражу. Но есть шанс попасться, оказаться в тюрьме!

Машина чуть не влетела в фонарный столб. Женщина еле успела повернуть баранку и остановиться. Переведя дыхание, она продолжила путь.

Явилась иная мысль. Моника гнала ее прочь, но мысль неумолимо возвращалась. А что, если Ботаник затеял обман? Вдруг он присвоит и ее часть добычи?

“Нет, этого не может быть, ведь парень по уши влюблен!”

“ Но он безумно расчетлив. К чему приведет сочетание расчета и любви? Он может использовать финансы, чтобы привязать ее к себе”...

Побледнев, женщина инстинктивно нажала на тормоз. В окне мелькнул фасад дома с лепниной – она оказалась у своего подъезда.

Припарковавшись, Моника прошагала к парадному. Мымра уже ушла. На ее месте сидел полноватый молодой человек, очевидно, студент – такие часто работают ночными консьержами. Незнакомец вежливо поздоровался с дамой и проводил ее до лестницы раздевающим взглядом.

Вот и квартира – не торопясь, женщина отворила дверь. Перед ней лежала привычная анфилада комнат: прихожая, небольшой зал, наконец, салон. Салон заканчивался черной дверью запретного кабинета. Сегодня Монике предстоит ее открыть.

Она вздохнула и сняла туфли. Тапки-зайцы пришли им на смену с такой быстротой, что казалось, будто они сами выпрыгнули из-под шкафа. Оставив на тумбочке ридикюль, женщина прошагала в спальню.

– Ладно, нужно раздеться!

Моника сняла пиджак, расстегнула застежку на спине и потянула вниз платье. Ткань упала к ее ногам.

Вот пустая постель, трюмо, стеллаж с книгами у изголовья. Взгляд женщины скользнул на темную полку над кроватью. На ней стоял увесистый бронзовый бык размером с кошку.

Истукан вдохновлял супруга на любовные подвиги. Мускулистое тело, щеголеватые готические копыта, морда, подобная наконечнику тарана, устремленные вниз рога – все в этом опереточном идоле дышало мужественностью и сексуальной энергией. Подобно египетскому Апису, он должен был окрылять.

“Мечты, мечты... – подумала Моника. – Увы, милый, в постели ты всего лишь Козлик. Скоро станешь боровом”.

Женщина улыбнулась – она вспомнила любимую зверюшку. Козлик (с заглавной буквы) был их домашним питомцем. Он жил на лужайке загородного дома – как читатель помнит, вила была переписана на Монику вместе с городской квартирой. Его обиталище (возможно, обитель) – резной теремок, как у белочки в сказке – совсем не походило на хлев. Маленького фавна женщина купила для дочки, но полюбила ухаживать за ним сама – чесала шерстку, украшала бантиками.

– Ах! – Моника провела рукой по одеялу, представляя, что ласкает Козлику спинку.

Вороний крик за окном отвлек ее от мечтаний. Он был хриплым, как голос старухи у ворот магазина. Женщина вздрогнула и нечаянно задела дверь платяного шкафа. Взгляд упал на маленький черный ящик – ее личный сейф с драгоценностями. Бронированная коробка была намертво прикреплена к одной из полок.

– Вот и потренируюсь открывать тайники... – пробормотала Моника.

Она набрала код. Дверца бесшумно отворилась. На багровом бархате поблескивали бриллианты. Женщина сняла “Разбитое сердце”.и сунула в тайник. Затем опустилась на постель и скатала чулки. Щелкнула застежка пояса – полоска темного бархата упала на одеяло.

Ее ждала ванна. Просеменив в облицованную пастельным кафелем комнату, Моника открыла кран. Лишь только поток воды омыл белую купель, женщина поняла, что ждать ей придется долго.

Переживания последних часов, безумные планы Ботаника... Хотелось забыться. Она вернулась в спальню. В сейфе в глубине шкафа мерцали алмазы.

– Ах! – руки потянулись к бриллиантам.

Большое кольцо – в нем она встретила известия о банкротстве супруга. Моника бережно достала драгоценность из чрева тайника и поднесла к груди. Она ощутила холод металла. Ладони коснулись плеч и, скользя по шее, встретились за затылком. Чуть слышно звякнул замочек цепочки.

Женщина увидела свое отражение в зеркале трюмо. Волосы, чуть растрепанные, спадали на плечи, оставляя лбу два каштановых локона. Белоснежная шея. Бюст – природная подушка для бриллиантов – то поднимался, то опускался, лишь только щель между губами делалась шире.

Через открытую форточку в спальню ворвался ветер. Голова закружилась.

– Я знаю, чего я хочу!

Словно во хмелю, она прошагала в салон. Журнальный столик, два темных кресла, колонна с бюстом Фрейдо-Платона. Окно.

Моника распахнула двери балкона и шагнула в темноту. Пальцы коснулись чугунных перил. Перед ней проплыли сумрачные фасады зданий на другой стороне улицы. Лепные карнизы, кариатиды, в темноте казавшиеся химерами. Небо было пасмурным, и звезд не было видно.

– Какой ужас! Я не смогу показаться созвездиям. Никто не увидит мою красоту!

Преисподняя темного небосвода дохнула штормом. Приближалась буря. Ненастье преуспело там, где потерпел поражение стыд: прикрыв руками соски, шалунья укрылась в комнате.

Сняв кольцо и надежно заперев его в сейфе, Моника прогарцевала в ванную и, встряхнув волосы, вошла в воду.

– Афродита вышла из морской пены, а ты, хочешь в нее войти. Нельзя дважды войти в одну и ту же пену! – она вспомнила насмешливые слова.

Слова любимого человека.

Глава 11

С самого начала которой станет ясно, что о нашей героине до сих пор не было сказано главного

Если читатель подумал, что начавшийся два с половиной года назад роман с Кроликом был первым в жизни Моники адюльтером, то он жестоко заблуждается: Стриптизеру предшествовал Скульптор. Скульптор – человек в городе новый – открыл арт-салон, и муж нашей героини, как часть бомонда, был приглашен на организованный по сему случаю раут.

Салон располагался в центре, у знакомого нам сквера. Поднявшись по ступенькам крыльца, Моника и ее супруг очутились в заполненном гостями зале. На Монике было черное платье с декольте и разрезом и неизменное алмазное кольцо – в борьбе с конкурентками оно играло роль атомной бомбы. Завитые локоны растекались по оголенной спине.

– Богиня! – шептались мужья прилизанных стерв.

Супруг Моники, тогда еще не такой лысый и полный, лампочкой светился от счастья. Было высказано мнение, что если бы неизвестными судьбами в городе воцарился император, то он непременно пригласил бы Монику на вальс.

– Только бы не Бокасса! – отшутился муж.

Моника вообразила себя в объятиях людоеда.

Скульптор возвышался посреди зала, образуя второй (помимо самой Моники) центр притяжения для гостей, сновавших по паркету броуновскими молекулами. Он был высок, за метр восемьдесят, и уже немолод. Заключенная во фрак, его подтянутая фигура, казалась еще более стройной. Ее увенчивала седеющая голова с короткими кудрями. Худощавое лицо снисходительно улыбалось публике.

Вокруг маэстро толпились несколько некрасивых, но очень важных господ и облаченные в вечерние платья дамы. Держа наполовину наполненный красным вином бокал, Скульптор вел непринужденную беседу, попеременно поворачиваясь к каждой. Взгляды собеседников дышали уважением, взгляды собеседниц – страстью.

Моника и ее супруг приблизились к хозяину павильона. Если бы в зале не было потолка, и камеры наблюдения располагались чуть-чуть выше, то они бы запечатлели нечто, похожее на обратную съемку размножающейся делением клетки. Две компании – крутившаяся вокруг Моника и переминавшаяся с ноги на ногу вокруг маэстро – слились воедино. Столкнулись две звезды, каждая с сонмом планет. Гора пришла к Магомеду. Королева бала – к его хозяину.

– Добрый вечер, мадам! – начал Скульптор, прервав общение с молодой поклонницей.

Та посмотрела на Моника взглядом крысы, которой прищемили хвост. Впервые за вечер маэстро перешел к новому собеседнику, не дослушав старого.

– Добрый вечер! – перехватил инициативу супруг. – Красивые работы.

Я бы с удовольствием взял что-нибудь для дома.

– А натурщицы вам не нужны? – пошутил один из важных господ.

– Да, конечно! – среагировал Скульптор.

Его жилистая рука погрузилась в карман, чтобы извлечь стопку визитных карточек.

– Здесь мой телефон, натурщицы и натурщики, – маэстро выделил последнее слово, – могут звонить и договариваться о встрече. И, конечно же, клиенты тоже.

Тонкие пальцы хозяина салона перебирали визитки, словно тасуя колоду для игры.

– Тройка, семерка, – шутливо отсчитывал Скульптор, раздавая цветные картинки.

Моника получила даму: ее карточка была украшена Венерой Милосской. Помимо визитки, ей достался каменный взгляд маэстро.

В “Мерседесе” мужа, увозившем ее с банкета, Моника строила теории. Да, с ней были холодны. Значит, она нежеланна? Нет же! Моника почти всегда желанна: поручкой тому пере-

шептывание и вздохи во время раута. И, между прочим, Скульптор был подчеркнута сдержан. Выставляя напоказ ледяную маску, он действовал осознанно. Возможно, его сердца коснулась стрела амура?

В женщине пробудился инстинкт охотницы. Маэстро выглядел старше ее супруга, но во всех его чертах читался мужчина: в величественной осанке, в широких плечах, в умном лице. Морщины не столько ранили кожу, сколько добавляли мужественности. Воображение проникло под фрак и нарисовало мускулистую грудь и безупречный живот.

– Ах! – неужели она влюблена?

– Да, любимая! – муж ответил на ее рассеянный вздох и нажал на тормоз.

Моника прильнула к его пухлым губам, словно надеясь, что он передаст поцелуй Скульптору эстафетой. Супруг поставил рычаг на “парковку” и неистово схватил ее за плечи.

Ночью, лежа в его объятьях, Моника пыталась разобраться в своих чувствах. Нужно было познать себя глубже, случай к чему скоро представился: муж укатил в очередную деловую поездку. Вооружившись визиткой салона, женщина набрала номер.

– Извините, вам требуются натурщицы?

– Внешние данные? Рост – метр семьдесят пять, стройная, длинные волосы.

– Размер груди?

Прозвучала безумная цифра. На той стороне провода икнули. Сейчас они подзовут к телефону босса. Моника поймала себя на мысли, что Скульптор так и не слышал ее голоса.

– Босс занят, и записываться не нужно.

– Хотите сказать что примет и так?

– Сегодня в два?

Начало было прекрасным. Моника нарядилась во все белое и в назначенный час явилась в салон. Скульптор придерживался правила: минимизировать контакт с натурщиками и натурщицами. В силу заведенного порядка, юноши (которые теоретически существовали, но коих никто не видел) и девушки (которых видели все, причем постоянно) обнажались в присутствии ассистентки. Оглядев телеса, ассистентка решала, с кого будут ваять, а с кого нет.

Когда Моника позвонила, ей отворила Красная леди. Это была высокая блондинка, в алом деловом костюме. В разрезе жакета, облегавшего ее объемистую грудь, проглядывала белая блузка с жабо. Юбка не доходила до колен. Платиновые волосы ниспадали на плечи. В руках покоилась длинная пластиковая указка.

Красная леди – она и была ассистенткой – встретила Моника холодной улыбкой. На вид ей было лет двадцать пять. В течение нескольких секунд женщины пялились друг на друга. Помощница Скульптора оглядела ноги потенциальной натурщицы, прочитала в их форме вызов и медленно подняла глаза на грудь. Моника томно дышала. Полускрытое под белой шляпкой, ее лицо казалось нежнее лица Красной леди. С каждым новым открытием улыбка на губах ассистентки становилась бледнее. Наконец, она полностью исчезла. Правда, Моника не была блондинкой...

Само собой разумеется, наша героиня проводила рекогносцировку с задором ничуть не меньшим.

“Ах, у этой женщины в красном узкие бедра! Она может элегантно закидывать ногу на ногу”.

– И грудь немножко изящнее – природа проявила меру.

– Волосы... нет. Прямая форма губит всю картину. У нее злое юношеское лицо: аристократ-садист из японского аниме.

– Это мы с вами разговаривали? – ассистентка первая нарушила молчание. – Что же, тогда проходите.

Когда Моника, следуя приглашению, прошла в просторное лобби, взгляды женщин встретились вновь. Красная леди держала указку на манер шпаги.

– Раздевайтесь! – приказала она.

– Прямо здесь? – неуверенно спросила Моника.

– Да, прямо здесь, – острое шпаги повелительно коснулось пола.

Это был вызов. Развернувшись к противнику боком, – на манер парусника, готовящегося дать залп – Моника презрительно улыбнулась и скрестила руки на груди. Кончик ее туфли оторвался от пола и уперся в стоящий посреди лобби пуф. Позвоночник вытянулся мачтой. Повисла пауза. Женщина на секунду зажмурилась. Затем ее веки раскрылись как оружейные порты линейного корабля. Наполнившаяся воздухом грудь походила на бюст роstralной фигуры. Порыв ветра, ворвавшийся в помещение через форточку, играл волосами – локоны развивались боевым вымпелом.

– Да, раздевайтесь, – повторила ассистентка.

Моника медленно дотронулась до верхней пуговицы и принялась за работу. С каждым щипком кончики губ Красной леди опускались чуть ниже. Когда все пуговицы были расстегнуты, на лице ассистентки застыла гримаса трагической маски.

– Ах! – Моника вильнула бедрами и свела плечи.

Пиджак пополз вниз словно стаксель, мешающий маневру. Красная леди вздрогнула. Моника ловко повернулась анфас, ловя жакет за воротник, и бросила его на пуф. Покровы пали – неприятель узрел главный калибр.

Ассистентка растерянно заморгала, но вовремя взяла себя в руки. Она распрямила губы и убрала пальчиком со лба серебристый локон. Затем подняла подбородок и, поигрывая указкой, сделала вокруг соперницы несколько шагов.

– Юбку, пожалуйста, тоже.

Монике мерещилось, будто она исполняет роль в каком-то спектакле. Она решила подыграть и из тигрицы тотчас стала овечкой. Пугливо приоткрыв рот, женщина бросила на госпожу в жабо полный стеснения взгляд.

– Здесь?

Ассистентка не ожидала столько резкой перемены в поведении гостьи.

– Да, – растерянно ответила она.

Моника отвернулась, пряча еле сдерживаемую бельем гигантскую грудь. Затем приняла позу старшеклассницы, раздевающейся перед медосмотром, и, чуть сгорбившись, начала снимать юбку.

Когда юбка полетела на пуф, накрыв снятый минуту назад пиджак, Моника выпрямилась и, игнорируя Красную леди, усталилась в окно. Та таранилась на ее спину, на белые ляжки бюстгальтера, на широковатый ажурный пояс на талии. На чулки на подвязках.

– И лифчик, – изрекла ассистентка; она не смогла придать голосу должную холодность.

Наступал решающий момент. Моника расправила плечи. Очи светились гневом. Бюст поднялся на вдохе, ноги напряглись. Подвязки натянулись, подобно нервам Красной леди, взиравшей на происходящее с затаенным ужасом. К чести распорядительницы салона, ее лицо сохранило неподвижность.

Моника знала: победа близка. Нужно лишь обнажить главное оружие. Конечно, она мастерски владела сим искусством, что неоднократно демонстрировала в боевой обстановке, однако теперь... Было ли тому виной волнение, или проснувшийся женский инстинкт приказывал помучить соперницу более изощренно, но Моника оказалась не в состоянии завершить начатое. Суставы дрожали, пальцы не сходились на застежке.

Вооруженная пластиковой шпагой, Красная леди делала вид, будто не сводит глаз с лица соперницы, однако, ее зрачки то и дело косились Монике на грудь в ожидании страшного.

Триумф обернулся трагедией. Беспомощно вздохнув, Моника заморгала и попросила о помощи. Парусник выкинул белый флаг.

– Подождите, – ассистентка была благосклонна, ведь она принимала капитуляцию. В ее улыбке читалось полное превосходство.

Военное счастье переменчиво. Не успела Красная леди и шагу ступить, как противница прогнула спину дугой, опершись руками на ее рабочий стол. Бюст нависал над бумагами, упругий зад смотрел в стороны триумфаторши, волосы наполовину закрывали лопатки, защищая подступы к застёжке бюстгальтера, которую предстояло штурмовать ассистентке. Окрыленная счастьем победы и, не понимая, что одной уже и след простыл, белокурая bestия втянулась в изгиб вражеской спины, как Паулюс в волжскую излучину.

Она нащупала застёжку. Каждый порыв Красной леди выполнить боевую задачу, отдавался со стороны гостьи исполненным похоти вздохом. Госпоже в жабо начало мерещиться, что соперница испытывает лесбийское возбуждение. Она не смогла отказать себе в удовольствии чуточку оцарапать Монике спину длинными багровыми ногтями. Та чувственно вскрикнула – лифчик пал.

– Да, готово, – промолвила ассистентка, подбирая со стола указку.

Моника чувствовала, что застёжка отлипла от спины. Она выпрямилась, убрала ладони со стола и сложила их на груди, придерживая ажурные чашечки. Затем, повернувшись к неприятельнице лицом, закинула руки за голову. Бюст ощутил свободу. Это был триумф плоти.

Красная леди попыталась скрыть смущение. Коснувшись пальчиком алых губ, она вытянула руку с импровизированной шпагой в сторону врага и шагом бретера, изготавливающегося к схватке, принялась описывать вокруг Монике окружность.

Глаза Монике не поспевали за телом в красном, двигавшимся вокруг нее по орбите.

– Стойте спокойно, мне нужно видеть вас со всех сторон, – процедила ассистентка.

Побежали секунды. С каждым шагом взгляд женщины с указкой становился все более уверенным. Оказавшись у Монике за спиной, она посмотрела на ее ягодицы взором профессионального оценщика скота.

– Круп немного великоват, – резюмировала ассистентка, уколов Моника в зад.

Та взвизгнула.

– Не нервничайте, пожалуйста. Если хотите стать натурщицей, вам следует привыкнуть стоять неподвижно.

Завершив круг, Красная леди вернулась в исходную точку. Моника, долго продержавшись с закинутыми за голову руками, хотела было сменить позу, как вдруг ощутила на локте наконечник пластиковой шпаги.

– Нет, нет. Так и стойте. Вы сделали все правильно – сразу приняли позу кариатиды.

Ассистентка развернулась и снова пошла по кругу, уже в другом направлении.

– Ноги как у фотомодели, длинноваты для классических форм, – очередной скребок по бедру.

– Бедра жирные, – укол рапирой в ляжку.

– Грудь... – женщины стояли лицом к лицу.

– Грудь... – повторила Красная леди.

Острие застыло в миллиметре от соска. Моника испустила слабый вздох. Пластиковое жало очертило линию бюста, скользнуло по шее...

– Подбородок чуть выше. Да, да. Вот так! Теперь вы гордая кариатида.

Прошла минута. Наконечник указки переместился на живот. Моника с испугом ждала, что Красная леди двинется ниже, но та вовремя остановилась. Женщина прокляла тот миг, когда решила пойти в салон. Руки ныли, позвоночник превратился в соляной столб. Моника закрыла глаза и застонала.

– Вы, устали? – ехидно спросила ассистентка.

Ответом был растерянный вздох.

– Вы слишком изнежены. Боюсь, вы нам не подойдете. Отдохните на диване и можете одеваться.

Моника прошагала к кушетке, поставленной у стенки к удобству посетителей. Ее талию украшал белый пояс, ноги обволакивали молочные чулки. Грудь была обнажена. Гулкий стук каблучков заглушал дыхание.

Красная леди не сводила с нее взгляда. Несостоявшаяся натурщица картинно коснулась ладонью лба и опустила на кушетку. Туфли упали на паркет. Левая нога вытянулась, как у балерины при пируэте. Правое колено согнулось, и спина расплавленным свинцом потекла вниз. Подпирая затылок, рука тонула в шлейфе растрепанных локонов. Моника вздохнула.

– Как статуя, – процедила ассистентка.

– Да, да! – боковая дверь распахнулась. – Так точно. Мессалина работы Брюне!

Это был Скульптор. Моника вздрогнула и поспешила сменить позу.

– Что Вы, что Вы! – засуетился маэстро. – Прошу, Вас, так и оставайтесь. Вы великолепны.

Женщина окинула его усталым взглядом. Периферийным зрением она заметила дрожащие руки Красной леди, сгибающие указку до состояния лука.

Глава 12

В которой наша героиня превращается в статую

Моника вынырнула из пены и встала солдатиком посреди ванны. Метафоры про Афродиту не к месту – она никогда не выходила из воды чинно. Красавицу гнал игривый демон, подобный оводу, жалившему Ио. В нашем мире такие материализуются в виде брызг холодной воды.

Нащупав плюшевые тапочки, спрятавшиеся под ванной робкими зайцами, Моника просеменила в спальню, и облачилась в белоснежный пеньюар.

Женщине вспомнился Скульптор... Маэстро подошел к кушетке и подал ей руку.

– Анжела, – Скульптор строго посмотрел на ассистентку, – ты утомила нашу гостью. Ты отбраковываешь таланты. Нет, Анжела, так нельзя.

– Как вас зовут?

Моника представилась. Художник взял ее за запястье и проводил в соседнюю залу. Он был одет в черные брюки и аккуратно выглаженную молочную рубашку. По помещению длинному, как неф храма, бежала красная ковровая дорожка. Вдоль нее боязливymi прихожанами теснились статуи. Часть из них возвышалась на постаментах, некоторые стояли на полу. Мраморные, они гармонировали с цветом оставшегося на Монике белья. В самой середине залы изваяния расступались, образуя свободное пространство. Там приютился диван.

– Садитесь, – сказал маэстро.

Женщина села. Закинув ногу на ногу, она старалась держать позвоночник прямо.

– Великолепно!

Скульптор достал планшет и сделал на нем несколько штрихов. Затем в его жилистых руках возникла камера. Следуя указаниям, натурщица периодически меняла позу. Усталость исчезла – ее смыла нега.

– Пожалуйста, сюда. А теперь вот так!

За время сеанса маэстро ни разу не допустил смены интонации. Не произнес ни единого слова, выходящего за рамки подчеркнуто вежливого обращения. Он был непроницаем как древний языческий бог, один из тех, что стали свидетелями сцены.

Минул час. Монике показалось, что прошло лишь несколько минут.

– Благодарю вас, – вымолвил Скульптор, – сеанс окончен. Деньги вы получите сразу. Обратитесь, пожалуйста, к Анжеле. Следующая встреча завтра в то же время, если вас устроит.

– Устроит, – ответила Моника и, изображая равнодушие, вышла в прихожую.

Помимо особы в красном там сидели посетители – седоватый господин с пожилой дамой. При виде полуобнаженной натурщицы господин раскрыл рот, не замечая потекшей слюны. Его супруга презрительно отвернулась. Ассистентка не отреагировала никак.

Моника быстро оделась и, так и не обратившись к Анжеле за деньгами, вышла вон.

На следующий день, как и было согласовано с маэстро, она вновь явилась в ателье. Скульптор уехал по неотложной надобности, предварительно велел ассистентке отменить сеанс. Разумеется, Анжела случайно забыла это сделать.

Когда Моника позвонила в дверь, Красная леди равнодушно пригласила ее пройти.

– Босса сейчас нет, но он скоро вернется, – пояснила Анжела и предложила натурщице скоротать время в заставленном скульптурами зале, где ее фотографировали накануне.

– Будет лучше, если вы разденетесь сразу там.

Моника проследовала за ассистенткой. Когда они вошли в залу со статуями, та вновь заверила ее, что маэстро явится с минуты на минуту, после чего вышла, незаметно заперев за собой замок.

Натурщица проплыла по коридору, образованному расступившимися изваяниями. Цокот белых туфель отдавался гулким эхом. Измерив залу в одном направлении, Моника плавно развернулась и пошла обратно. Она поймала взгляд мраморного Давида – копии известной работы Микеланджело. Герой был вдвое ниже пятиметрового оригинала. Возможно, за холодом мрамора таилась страсть? Женщина улыбнулась. Статуя не ответила.

Отказ принять ее красоту воспринимался Моникой как оскорбление. Она опустила веки. Открыв глаза, женщина увидела на белесом лице черты маэстро.

– Нет! Скала падет, лед холодного сердца будет растоплен! – пальцы метнулись к пуговицам на груди.

Щипок, еще щипок. Пиджак расстегнут. Моника бросила его на кушетку, потом принялась за юбку, но та застряла на бедрах. Пришлось опять принимать позу школьницы, не умеющей раздеваться. Подняв голову, женщина заметила на губах Давида ухмылку. Сможет ли плоть оживить мрамор? Творению Пигмалиона потребовалась магия Афродиты.

Бюстгальтер Моника сняла без малейшего трюкачества. Она хихикнула и прижалась к ногам изваяния, которому из-за постаменты приходилась по пояс, но, ощутив холод, взвизгнула и отскочила назад.

Женщина снова оглядела статую. Давид показался ей чуть более благосклонным. Быть может, он желал большего?

Собравшись с силами, Моника феей вспорхнула на пьедестал и чмокнула героя прямо в губы. Чтобы не упасть, она повисла на мраморной шее. К счастью, скульптура была надежно прикреплена к постаменту.

– Ах, теперь ему не так одиноко!

Чуть не ударившись коленкой о каменные ноги, женщина зажмурилась и спрыгнула на пол. Раздался грохот.

Переведя дух и осмотревшись, Моника поняла, что стоит в цинковом корытце, заполненном белой краской.

– Чертов ремонт! Ступив на паркет, она будет оставлять липкие следы. Что теперь делать?

После минутного раздумья она отстегнула застёжки подвязок и сняла побелевшие чулки. Расстелив их перед собой в качестве тряпки, женщина переставила на импровизированный коврик измазанные краской ступни и присела на корточки.

Боже! У нее измазано колено. Моника взглянула на руки: ладони были чисты.

– Так... – на губах заиграла улыбка.

Кажется, она что-то придумала.

Резко встав, Моника завязала волосы в узел, сняла пояс и обмотала им голову. Затем, потянувшись к кисточке, погруженной в краску, на дне корытца, робко нанесла себе первый мазок. Белое пятно расплзлось по животу. Женщине захотелось продолжить.

Кисть губами опытного любовника гуляла по коже. Окрашено колено, обведена щиколотка. Пятнышки покрыли белые трусики, но их шалунья решила не трогать.

Вот уже вымазан живот – кисточка перетанцовывает на грудь... Спину она оставила девственной – ничто не должно угрожать волосам. Подождав минут десять, когда краска на ступнях высохнет, Моника прошагала к кушетке, на которой позировала накануне, извлекла из сумочки косметичку и придала лицу и шее соответствующую общему стилю белизну. Губы она обвела красным.

Два часа протекли незаметно. Когда в скважине замка загремел ключ, и в зале возник Скульптор, он долго рыскал глазами в поисках натурщицы.

– Анжела сказала вам, что меня нет. Зачем же вы настояли на том, чтобы остаться? Кстати, где вы? – тревожный взгляд блуждал по лесу изваяний.

– Здесь, – голос Моника был полон неги.

– Боже мой! Зачем же вы так себя...

– Вам не нравится живое горячее тело? Вы предпочитаете мрамор?

Полностью белая, она неспешно подошла к хозяину галереи и положила ему на плечо руку.

– Как вам угодно, – восстановил самообладание маэстро. – Проведем сеанс, раз уж пришли. Если вам нравится позировать в образе статуи, то я не стану лишать вас удовольствия.

Скульптор вооружился бумагой и карандашом. Сеанс длился час, и за это время на лице художника не дрогнул и мускул. Голос сохранял свой прежний нейтральный тон. Женщина решила, что все безнадежно.

– Мне жалко вашу кожу, – проявил участие маэстро, когда дело подошло к концу. – Я провожу вас в душ и принесу скипидар. Возможно, вы отмоетесь.

Это было последнее, что в тот момент волновало Моника.

Глава 13

В которой перед главной героиней предстанет образ Дьявола

Настало время выбора: лечь спать или открывать сейф. Моника почувствовала, что у нее кончаются силы, а нужно еще собрать чемодан! Женщина подобрала с постели неряшливо брошенный на одеяло пиджак и повесила в шкаф, затем подняла с пола юбку... Она обошла комнаты и погасила свет. В спальне зажегся торшер.

Нужно было решаться. Моника просеменила в салон – туда выходил кабинет мужа.

Ключ! Пиратская копия лежала в сумочке. Женщина бросилась за ней в прихожую и через минуту снова стояла у порога кабинета. Она готова?

Пальцы потянулись к замочной щели. Дрожали поджилки. В тишине тикали часы. Нет – это пульс отсчитывал мгновения до рокового шага.

Ключ вошел в скважину – он подходил. Моника открывала комнату и раньше, и даже мельком рассматривала интерьер. Но, тогда поворот дверной ручки не воспринимался как совершение некоего фатального действия, вроде запуска баллистической ракеты.

Код сигнализации! Оставив ключ в замке, она опять кинулась в прихожую за ридикюлем и вернулась к двери, вооруженная бумажкой.

– Черт! – Моника поняла, что забыла записку с паролем от самого сейфа.

В салоне царил полумрак. По полу и по стенам поползли отблески фар – по улице проехала машина. Женщина подняла взгляд. В паутине теней Фрейдо-Платон скалился причудливой гримасой. Янус – бог входа в кабинет. Злой гений места.

– Мне страшно... – прошептала она.

Ее вниманием завладел стоящий у окна столик с увесистой шкатулкой. Там муж прятал записки с кодами, которые она постоянно копировала. Супруг любил парные вещи – такой же ларец был куплен для загородного дома.

Женщина вздохнула. От шкатулки ее отделял один шаг.

– Надо решаться... – она подошла к столику и отворила крышку.

В ларце лежала всякая мелочь, слишком непрезентабельная, чтобы раскладывать ее по квартире. Среди множества вещей затаилась бумажка – памятка с последним паролем. Моника скопировала его две недели назад.

Усталые глаза пробежали по цифрам. На обратной стороне записки другими чернилами крайне торопливо была сделана новая надпись. Это была денежная сумма.

– Триста тысяч долларов... – пролепетали дрожащие губы.

Небрежные знаки возникли недавно – их не было, когда Моника в последний раз отворила ларец. Получается, в сейфе, помимо бумаг, лежат деньги? Но, муж боится держать крупные суммы наличными!

Она вернула листок на место и закрыла шкатулку. Бросив беспомощный взгляд на дверь кабинета, женщина осознала: ее покидают силы. Пусть другие ставят опыты над своими нервами. Выдержнув ключ из скважины, Моника уныло побрела в спальню и легла в постель.

Волнение прогнало сон. Она потянулась к стеллажу у изголовья кровати и принялась ощупывать корешки книг. Ее добычей стал альбом, и женщина полминуты терзалась вопросом, зачем муж поставил его туда, где обычно хранились тома для чтения перед сном.

Книга раскрылась посередине, на черно-белом снимке. В коконе, похожем на скорлупу огромного яйца, восседал обнаженный юноша. Из одежды на нем была лишь тряпка на чреслах, игравшая в тусклом свете торшера десятками серых оттенков. Моника разглядела торс с

обольстительным выступом грудной клетки. Мускулистая рука покоилась на колене. Вторая, вздегтая вверх, устало опустилась на голову. Впрочем, нет, не устало – бицепс был напряжен. Юноша был в отчаянии. Он схватился за голову в испуге перед чем-то тайным, понятным только ему.

Женщина зажмурилась, затем раскрыла глаза. Лежащая на колене рука держала корону. Получается, он только что ее снял? Белый лоб рассекали две глубокие морщины. Сочные уста были полуоткрыты то ли в ужасе, то ли в изумлении.

“Странно”, – подумала Моника.

Она заметила на запястье оковы. От огромного старинного наручника тянулась цепь, исчезающая где-то там, за спиной. Такая же цепь сковывала ногу.

“Кто это такой?” – взгляд побежал вниз на подпись под иллюстрацией.

Подпись гласила: “Люцифер”.

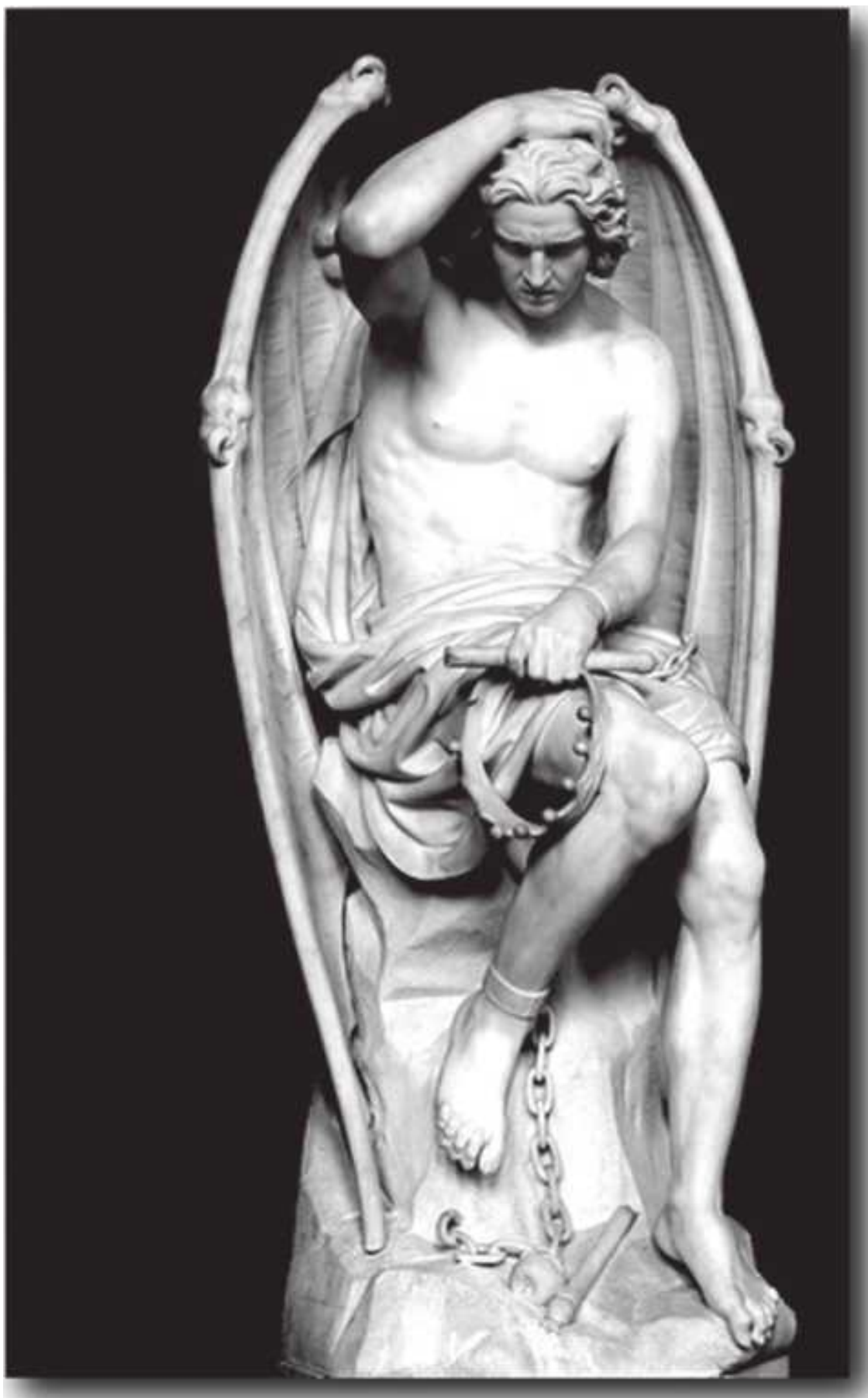
– Еще страшней, еще безбрежней... – женщина захлопнула альбом и выключила торшер.

Одеяло простерлось над ней крылом из гусяного пуха. Глубины памяти извергли воспоминания о победе.

Это случилось через две недели после ее первого визита в салон. Моника провела уже четыре сеанса. Сразу после второго, когда она выкрасилась в статую, приехал муж, и в череде походов к Скульптору наступил перерыв. Муж вскоре уехал, и она сходила к маэстро еще дважды. Во время сессий тот был холоден и подчеркнута вежлив. “Оставь надежду”. – читалось на его умном лице. Натурщица оставила надежду.

Через пару дней после четвертого сеанса они встретились на каком-то рауте. Поскольку супруг находился в отлучке, женщина явилась туда одна. Она облачилась в великолепное черное платье с декольте, надела колье и лихаческим вихрем полетела, куда звала интуиция.

Моника приехала поздно. Гости уже рассыпались по залу в поисках бокала вина, лакомств и возможности флирта. Швейцар расплылся в улыбке перед запоздавшей красавицей. Сделав шаг по ковровой дорожке, женщина в недоумении остановилась: как, на нее никто не смотрит?

Наконец один пожилой господин, встревоженный хлопком двери, обернулся в сторону незнакомки, но уже не смог вернуться к собеседникам ни мысленно, ни физически, так и оставшись сопровождать Монику взглядом. Его соседи по столику устремили взоры туда же, и вскоре вся группа принялась отслеживать каждое движение шуршащей фигуры. Кто-то разинул рот с недожеванным бутербродом.

“Как падающие старухи”, – подумала Моника.

С каждым ее шагом число наблюдателей росло. Когда незнакомка достигла середины зала и оказалась напротив столика с бокалами вина, на нее смотрела половина приглашенных.

– Вам какого? – спросил официант, не замечая, что наливает в бокал сразу из двух бутылок.

– Пожалуйста, красного, – игриво ответила Моника.

Лишь только ее пальцы обвили ножку фужера, к столику устремились трое мужчин. Завязалась томная беседа. Увлеченная Скульптором, женщина не допускала и мысли о флирте. Она неловко отшучивалась – ее интеллект уступал красоте, хотя и был выше среднего. Наконец, все уколы были отбиты, ловеласы пристыжены. Нет, ей нужно домой!

Недотрога продефилировала к выходу и быстро нашла свою “Ауди”. Отворив дверь, она юркнула вовнутрь и попыталась завести двигатель... Безуспешно.

– Ну же!

Мотор заурчал, но тут же замолк. Моника выскочила наружу. Глаза хищнически обшаривали улицу в поисках такси. В этот момент пред ней выросли три неугомонных ловеласа и наперебой принялись предлагать подвезти. Красотка отказала нахамам. Те изобразили замешательство, чтобы вновь пойти на штурм, как вдруг на сцене возник Скульптор.

Маэстро был в темных брюках и белой рубашке с бабочкой. Аккуратно сложенный пиджак висел на предплечье. Спаситель был худ и подтянут. Седоватые кудри увенчивали голову с поджарым лицом.

– Возможно, я смогу вам помочь?

– Да, я была бы счастлива! – женщина поймала себя на мысли, что слишком податлива для обольстительницы.

Ловеласы расступились. Маэстро проводил натурщицу к своему авто и театрально распахнул перед ней дверцу. Моника опустилась на переднее сиденье.

Набирая скорость, машина мчалась по ночным улицам. Женщина молчала. Явилось желание спросить, откуда Скульптор знает дорогу.

Через четверть часа они увидели дом с лепниной.

– Прошу, – вымолвил маэстро, и Моника впервые уловила в его голосе минор.

Она принялась отстегивать ремень. Как нарочно, пряжка не поддавалась.

– Вы не могли бы помочь?

Скульптор склонился над ней и принялся извлекать металлический язычок из замка. Женщина томно вздохнула. Словно нарочно, маэстро долго копошился.

Когда проблема была решена, он попытался распрямиться, но ударился затылком о потолок. Скульптор не изрек ни звука. Его глаза встретились с глазами натурщицы. Их уста разделяли два сантиметра.

Прошла вечность. Моника наполнила воздухом полуобнаженную грудь и вновь опустила веки. Она ощутила прикосновение холодных губ. Это был порыв страсти, извержение вулкана. Жилистые руки легли ей на плечи, но не хваткой коршуна, как будет потом при первом свидании с Ботаником, а уверенно, по-хозяйски. Губы гуляли по лицу, шее, спустились ниже... Женщина страстно дышала. Ладони маэстро скользнули на разрез декольте. Моника вздрогнула. Скульптор резко развел руки – раздался звук рвущейся ткани. Салон машины огласил стон.

Авто мерно раскачивалось напротив парадного. Редкие прохожие бросали на него любопытные взгляды. Появился блюститель порядка, изыскивающий возможность получить взятку. Он удалился не солоно хлебавши.

Прошло полчаса. Сидя в креслах, любовники томно смотрели друг на друга. Платье Моника было разорвано, она, словно стесняясь, держала ладони на груди и что-то шептала.

– Мне мало, я хочу еще! – услышал Маэстро.

– Да, я хочу! Я хочу! – задыхаясь, женщина распахнула дверцу и, придерживая остатки одежды, устремилась к подъезду. Скульптор настиг ее в два прыжка, но слишком поздно, чтобы избежать непоправимого. Зализанная консьержка в сером пиджаке уже фотографировала полуобнаженную даму взглядом девочки-садистки, нашедшей, спрятавшегося под диваном котенка.

– Извините, а вы...

– Все хорошо, все хорошо! – пробормотала Моника и бросилась вверх по лестнице.

Любовник несся за ней. Поворот ключа – они ворвались в квартиру. Она заманивала его до самой спальни. Маэстро игриво преследовал. Поймав Моника у края постели, Скульптор поднял возлюбленную на руки и бережно опустил на покрывало. Супружеское ложе стало одром измены.

Глава 14

В которой наша героиня видит сны по Фрейд

В сладкой истоме Моника опустила веки – она лежала в той же постели. Три года, полных измены, словно канули в Лету. Память сохранила подробности безумной ночи – первой ночи со Скульптором. Подсказывала, где расстелились волосы (в какой-то момент их зажало матрасом), что шупали руки.

Женщина заерзала, пытаясь воспроизвести свои движения в тот вечер. Ей стало тоскливо. Меланхолия открыла ворота усталости. Поворочавшись под одеялом, она уснула.

Ей снилось помещение, где прошел первый сеанс. Освещение было тусклым. С потолка на длинных проводах свешивались лампы – воронки из темного металла. Образовывая конусы, потоки света лились на красную ковровую дорожку. По ее краям стояли статуи. Часть мраморной толпы пряталась в глубине зала. Монике мерещилось, что изваяния перешептываются и строят гримасы.

За окном царила ночь. Хотя окна были закрыты ставнями, женщина почему-то была в этом уверена. Она шла по павильону, широкому, как неф храма. Шелк белья ласкал талию, ноги. Грудь была обнажена.

Впереди золотистым сиянием светилась стеклянная дверь. Шаг, еще шаг. Совсем неожиданно, как часто случается во сне, Моника оказалась у цели. Она дернула за ручку. Массивная створка не шелохнулась. Она дернула снова – безрезультатно. Кто-то запер замок.

Через стекло была видна освещенная комната. В углу стояло заваленное бумагами бюро. Напротив него на стуле, положив ногу на ногу, сидела Красная леди. Алые губы что-то шептали в телефонную трубку.

Моника трясла ручку – помощница Скульптора не реагировала. Она упивалась беседой, покачивая кончиком багровой туфли. Моника пыталась кричать, но дверь была звуконепроходимой.

Она развернулась и пошла к другому концу зала. Временами слышался гром, вспышки молний развеивали сумрак, рисуя на лицах статуй чудовищные гримасы. Моника чувствовала: за каждой ужимкой таится похоть. Она ускорила шаг. В спину дышал животный страх, становясь сильнее с каждым мгновением.

Быстрее! Она неслась по ковровой дорожке. Дорожка вела к темным резным вратам. Женщина знала – это врата ада. Скульптор исполнил их в подражание Родену. В отблеске молнии мелькнул торс Лаокоона, увитый лианами змей. Лицо молодого Давида...

Моника остановилась. Торможение не требовало усилий – на помощь пришли законы потусторонней природы. Она опустилась на колени и коснулась грудью мраморного постамента. Давид улыбнулся. Или это наваждение?

Женщина заглянула в лицо ветхозаветного юноши. Несмотря на полумрак, были видны бесцветные луны зрачков. Спокойствие каменных глаз передалось бы и ей, если бы на стенах вновь не заиграли блики.

Раскат грома – изваяние зашаталось. Оно же рухнет! Моника попыталась встать – тщетно: колени словно приросли к полу.

Давид падал медленно, постепенно ускоряясь, подобно гигантскому возу на картине Питера Брейгеля. Неспешность катастрофы – залог ее неотвратимости. Хотелось кричать, но женщина не смогла издать ни звука.

Темнота. На полу раненной змеей извивалось обнаженное тело. Моника видела себя со стороны – такое иногда случается во сне. Ей стало ясно, что Давид лежит на ковре, а она ползет по нему. Наклонившись к юношескому лицу, женщина поцеловала каменные губы.

Из сумрака возникла чаша с кипящей кровью. Или это ведро с краской? Моника окунула волосы в таинственный сосуд. Когда она распрямилась, с намочших локонов на белый мрамор полились горячие струи. Она затрясла головой – брызги полетели на соседние статуи. Алый шрам рассек живот Венеры. Женщина хлестнула кудрями Давида, оставив на белой груди красный рубец. Войдя в раж, она стегнула его еще и еще, вымазывая краской плечи героя, его щеки...

Кудри метнулись в темноту и лоб нечаянно коснулся ворсинок ковра. Статуя Давида исчезла.

Моника долго не хотела разгибать спину, чувствуя, что, посмотрев вперед, обнаружит что-то страшное. Наконец, она подняла взгляд и увидела мраморного Люцифера. Женщина стояла на коленях перед своим повелителем.

Она лежала в постели. За окном бушевало ненастье. Капли дождя пробарабанили по окнам. Через открытую дверь спальни, освещенный уличным фонарем, скалился Фрейд-Платон. Полностью безучастный к раскатам грома и дребезжанию стекол, он царствовал над своим игрушечным наделом.

– Что за бредовый сон?

Встать было лень. Моника повернулась на бок и попыталась уснуть снова.

Она находилась в комнате без дверей и окон, с голыми стенами. Посреди пола зияла дыра. Облаченная в белый костюм, она стояла на коленях. Раздался шорох, и из дыры высунулся каменный змей с красным пятнышком на лбу. Моника все поняла – он убежал со статуи Лаокоона. Подняв подбородок, женщина чувственно молвила: “кис-кис-кис”.

Хищник сразу сменил позу – из палочки превратился в знак вопроса, затем качнулся, вытягивая из отверстия в полу хвост. Каменный череп скрылся у Моника за спиной и вынырнул из-за другого плеча. Женщина знала: ее оплетают. Хотелось встать, но интуиция шептала: демон реагирует даже на вздох.

Завершив последний виток, змеиная голова застыла у лица Моника. Что делать? Отчаяние было слишком слабым, чтобы помочь преодолеть ужас. Когда мраморная морда подползла к подбородку, женщина инстинктивно подалась назад и упала на лопатки, но позвоночник не коснулся пола – от кафельных плиток спину отделяла змеиная плоть.

Вдох – ребра сдавлены. Было неясно, где среди причин беспомощности заканчивается страх, и начинаются объятия монстра. Он отпрянул, коснулся носом ее бедра и, замерев на мгновение, бросился под юбку. Это был финиш. Моника обрела силы и закричала.

Она сидела посреди перепачканной постели. Пододеяльник опутал тело смирительной рубашкой. За окном неистовствовал ливень. Поборовшись, женщина избавилась от бельевого пута, свесила ноги с кровати и выпрямилась во весь рост. Слегка покачиваясь, она прошла в салон. В этот момент порыв ветра с шумом растворил двери балкона – ненастье ворвалось в дом.

В коротком идущем до бедер пеньюаре Моника поднявшимся из могилы мертвецом встала под дождь. Ветер играл волосами. Пулеметные очереди струй били в грудь. Держась за перила, женщина простояла так минут двадцать.

Наконец, озноб возобладал над отрешенностью. Она вернулась в комнату и плотно закрыла за собой дверь. Сорвав с себя пеньюар Моника, бросилась в ванную и долго растирала спину махровым полотенцем. Затем выжала волосы и побрела в спальню. На этот раз сон обошелся без кошмаров.

Глава 15

В которой маэстро создает шедевр

Скульптор был не только посредственным художником, но и никудышным предпринимателем. Теоретически, первое не обязательно должно было приводить ко второму, так как вкусы его клиентуры оставляли желать лучшего, однако у человека имелся своего рода талант. Он заключался в умении разбазаривать деньги.

Тщеславие маэстро не позволяло ему ограничиваться гранитом или пошлым гипсом даже в работах, создаваемых просто так, из любви к искусству. Он импортировал мрамор: каррарский, паросский и, наконец, индийский. Раз в месяц к черному входу салона подъезжал грузовик и особым краном сгружал циклопические блоки в подсобное помещение. Таможенников эти глыбы доводили до белого каленя. Анжела деловито поясняла, что в каждой из них ее босс способен разглядеть затаенный шедевр.

– В индийских блоках я вижу нечто большее, – иронично замечал Скульптор.

Его мастерскую заполняли легионы античных героев, неумело скопированных с классиков. В служении прекрасному маэстро разрывался между Клио (“то муза истории”. – пояснял он друзьям) и Танатосом – богом смерти. Тот сулил золотые горы за изготовление надгробий.

Начав ваять в подражание древним, Скульптор вскоре убедился в невыгодности этого занятия. Озарение явилось поздно – кредит, взятый на открытие заведения, был растрочен. Пришлось брать новый. Сонм олимпийских богов переехал в зал, где проходили сеансы с Моникой. Тяжеловесные, часто недоработанные, статуи сутулились на хаотично расставленных постаментах, напоминая разбитую армию, бредущую с поля боя. Казалось, они сгорбились под спудом безотрадного финансового положения салона.

– Кунсткамера, – перешептывались недоброжелатели.

– Парад уродов! – откровенно заявила Анжела одной из подруг.

У нее были веские причины для недовольства патроном – в течение месяцев Моника не вылезала из его мастерской. Муж новоиспеченной натурщицы то уезжал по делам, то возвращался, но даже его присутствие в городе не могло помешать творческому процессу. Ежедневно в полдень Моника являлась в салон, игриво разоблачалась и укладывалась на кушетку.

Это была новая мебель – кушетку купили специально. По указанию маэстро женщина снимала с себя все кроме бюстгальтера. Лифчик полагалось приспустить. Моника взбиралась на ложе, укладывалась на бок, вытягивала левую ногу, поджимала под себя правую, выворачивала спину и клала голову на подушку. Ладонь непременно касалась затылка.

– В точности! – радовался Скульптор. – Она, Мессалина работы Броне!

Работа полузабытого француза – возможно, наиболее известное скульптурное изображение развратной жены императора Клавдия – служила для маэстро источником вдохновения. Из-за надгробий у него почти не оставалось времени на классику. Однако призвание художника и ощущение, что годы уходят, а монументальная работа, долженствующая увековечить его имя, так и не создана, толкнули Скульптора на отчаянный шаг. Он решил изваять шедевр.

Так появился мраморный монстр. Каменная баба, как подшучивали злые языки. Каменная шлюха, согласно замечанию Анжелы. Переняв у недоброжелателей слово “каменный”, автор называл статую “Каменной Мессалиной”.

Мессалина Монике нравилась. Во-первых, она не обладала идеальным вкусом. Во-вторых, женщина желала быть увековеченной для потомков. Она работала, не покладая рук. Трудно сказать, в каком качестве наша героиня была более полезна маэстро: как модель, или как муза – ее вид приводил творца в экстаз.

Посетители – те, которым, можно было показывать и неоконченную работу – замечали, что бюст Каменной Мессалины значительно крупнее, чем у французского оригинала. Некоторые указывали, что полоска ткани, едва касающаяся сосков, не является абстрактным куском античной материи, но имеет все признаки скомканного ажурного бюстгальтера, выполненного в мраморе с неподражаемым мастерством.

– Стандарты красоты меняются, – оправдывался Скульптор. – Специалисты стесняются об этом говорить, но классические произведения вызвали страсть у современников. Если мы желаем, чтобы наши работы оказывали на зрителя то же воздействие, следует отступить от тогдашних форм и обращаться к нынешним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.